Сущий дьявол

Автор:

[Данелла Хармон](#)

Сущий дьявол

Данелла Хармон

Лорды и Меррики #5Очарование (АСТ)

Жизнь была жестока к Деймону де Вулфу, маркизу Морнингхоллу, с детства – не пощадила и теперь, когда его перевели, в наказание за дуэль, на капитанский мостик плавучей тюрьмы, перевозящей каторжников к месту отбывания наказания. И надо же было случиться такому, что молоденькая вдова Гвинет, леди Эванс-Симмс, одержимая идеей улучшить условия жизни заключенных, выбрала именно его корабль, чтобы начать свою кампанию борьбы за реформы!

Деймон клянется превратить жизнь незваной гостьи в ад. Гвинет, в свою очередь, тоже не намерена сдаваться. Они ненавидят друг друга настолько страстно и самозабвенно, что всем, кроме них, скоро становится ясно, что эта ненависть куда больше походит на совсем другое чувство...

Данелла Хармон

Сущий дьявол

Danelle Harmon

WICKED AT HEART

Печатается с разрешения литературных агентств

Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Danelle Harmon, 1996

© Перевод Э. Г. Коновалов, наследники, 2018, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Май 1802 года

Плотские наслаждения – вот, пожалуй, и все, что Оксфорд дал Деймону Эндрю Филиппу де Вулфу, шестому маркизу Морнингхоллу, четвертому графу де Вулфу, наследнику одного из богатейших имений в Англии.

Он овладел греческим и латинским, еще будучи десятилетним ребенком. Он зевал над Аристофаном, Еврипидом и даже Фукидидом, чьи труды не пробуждали в нем ни стимула к приобретению знаний, ни желания поспорить с древними мудрецами. Он знал больше, нежели многие оксфордские воспитатели и преподаватели, ему было тошно в комнатах в Пекуорт-Куодрэнгле, и он не делал секрета из того, что от всего этого его просто тошнит.

Ибо лорду Морнингхоллу было всего пятнадцать лет от роду, он провел в старинном колледже христианской церкви в Оксфорде несколько месяцев и не нашел здесь ничего, что бы его заинтересовало.

Кроме хорошенькой юной племянницы декана.

Она была на три года старше его. И сейчас лежала рядом с ним. Золотистые волосы ее запутались в траве, юбки были задраны, открывая белеющие в полутьме полные бедра. Нужно сказать, все это было проделано без помощи самого Морнингхолла. Сейчас девушке не было никакого дела ни до величественной красоты окружающих их древних зданий, ни до ароматов ночи, ни до музыки фонтана, лепечущего под тихим звездным небом. Большой Том – старинный величавый колокол в центральной башне – начал отбивать удары: бом... бом... бом... оповещая, что все студенты с этого момента должны находиться в своих спальнях.

Бом... бом... бом...

Колокол предупреждает его, шевельнулась мысль у Деймона, но он тут же отбросил ее, ибо ничто не могло отвлечь его внимание от прохлады земли, мускусного аромата зелени, бархатного, усыпанного мириадами звезд неба. Какое удивительное, невыразимое ощущение – лежать рядом с изумительным, таинственным созданием, касаться рукой ажурных кружев и воздушных юбок, скользить ладонью по внутренней стороне бедра, защищенного тонким шелковым чулком, а потом подцепить пальцем сперва один, затем другой чулок и медленно спустить их вниз. При этом видеть, что лежащая рядом нимфа поощряет эти действия прикосновениями рта и рук, прерывистыми стонами. Разделавшись с чулками, вновь отправить руку вверх вдоль атласного бедра, навстречу неведомой тайне.

По мере медленного продвижения руки вверх сердце Деймона колотилось все громче и чаще. Он прижался лицом к девичьей шее, вдыхая аромат ее кожи и волос, пахнувших розой. Сладостно постанывая, нимфа ободряюще поглаживала его спину, плечи, ягодицы. Мелькнула последняя более или менее связная мысль о том, что из темной комнаты за ним могут подглядывать однокашники. Но именно в этот момент его ищущие пальцы достигли заветной тайны – шелковистых завитков внизу девичьего живота – и миг исчезли все мысли.

В этом гнездышке было так тепло, так уютно, так мягко – и чуточку влажно. Он накрыл ладонью упругий холмик, поросший густыми шелковистыми волосками. Его пальцы скользнули ниже, между бедер.

Девушка застонала и раздвинула бедра. «Господи, надеюсь, что я делаю все правильно», – подумал Деймон.

По-видимому, все было правильно, потому что, как только он погрузил свой палец в обнаруженную им расщелину, девушка громко застонала, закрыла глаза и впилась ногтями ему в спину. Деймон со всем пылом стал исследовать неведомые ему влажные складки, воплощающие собой женственность, а девушка только ахала и тихонько всхлипывала. Обретя некоторую уверенность, Деймон поцеловал ее в шею и ароматную грудь, продолжая одновременно пальцами ласкать влажные, скользкие лепестки. Затем, осмелев, он погрузил средний палец поглубже, а большим нащупал тугий узелок – бутон страсти – и принялся его ласкать.

– Ой, Деймон! – ахнула девушка, обхватила его голову руками и прижала к себе. Она словно обезумела. Запустив пальцы в его волосы на затылке, она дергалась и извивалась, целовала в губы и разгоряченно повторяла: – Да-да... Потрогай меня... Да-да, правильно, здесь...

Рот у нее был горячим, язык дерзким и настойчивым. Деймон чувствовал, что его тело начинает полыхать. Похоже, он все делает правильно. К черту всю эту латынь и прочую чепуху! Ничего путного университет ему не дал. А вот мисс Сара Черуэлл дала! И это не идет ни в какое сравнение! Это великолепно! Это грандиозно! Спасибо тебе, Оксфорд!

Деймон прервал поцелуй, чтобы глотнуть воздуха.

– Я... не делаю тебе больно? – каким-то странным, незнакомым самому себе голосом спросил он. Хорошо еще, что не дал петуха.

– О нет! О боже, да! Ой-ой! Ага, вот здесь. И пальчик поглубже.

Деймон испытал некоторое замешательство. Так причинил он мисс Саре боль или нет?

– Вот так? – спросил он, нажимая на трепещущий узелок.

– Да, только еще сильнее... Ой! И поглубже... Деймон, посмотри на меня, я хочу видеть твое лицо. – Она обхватила его за щеки, притянула к себе и стала горячо и жадно целовать. – Эти твои глаза... Они воспаляют меня.

Деймон погрузил палец почти на всю глубину, продолжая гладить влажные лепестки девичьего гнездышка и ласкать удивительный маленький твердый бугорок. При каждом прикосновении к нему мисс Сара ахала, всхлипывала и шептала имя Деймона. Столь бурная реакция девушки возбудила юношу до предела, а его ствол сделался огромным и ныл от неукротимого желания. Воздух с шумом вырывался из его легких, смешивался с ароматами исходящими от волос, кожи и одежды мисс Сары. Как же отличается женское тело от его собственного! Какие сладостные ощущения испытываешь уже от одного прикосновения к пышной поросли, скрывающей лепестки. Сейчас его пальцы купались в соке любви, а ствол рвался из брюк наружу. И тогда мисс Сара потянулась рукой к его брюкам и легкими прикосновениями стала их расстегивать. Деймон почувствовал, как прохладный воздух омыл его возбужденную плоть. Затем к ней прикоснулась девичья рука.

Деймон замер, не зная, как на это реагировать.

Но мисс Сара проявила настойчивость. Она обвила вокруг ствола юноши пальцы, легонько сжала его и стала медленно водить рукой вверх и вниз. Это породило в Деймоне столь сладостные ощущения, что он тихонько застонал и стал ритмично двигаться ей навстречу. Поистине сладостная мука! Мисс Сара притянула его поближе, не прекращая движения рук, и ободряюще зашептала:

– Вот, господин любовник, я хочу доставить тебе удовольствие.

Деймону показалось, что он вот-вот умрет и вознесется на небо. Он полностью отдался энергичным ласкам умелых девичьих пальцев. А затем с хриплым стоном повернулся и лег на пышные формы мисс Сары, вдавив ее тело в пружинистый травяной газон. Светлые волосы девушки рассыпались вокруг головы. Деймон спрятал лицо в шелковистых прядях, а затем стал лихорадочно целовать ее крохотные ушки, шею, припухлые жадные губы. Она тихонько постанывала, продолжая ласкать его. Ощущения, которые порождали эти ласки, заставили Деймона забыть обо всем на свете. «О господи, – подумал он, – я так

долго не выдержу!» И тогда он почувствовал, что мисс Сара направляет его мужское естество к своему горячему гнездышку. При этом она широко раздвигает ноги и выгибается вперед, чтобы лучше принять его в свое лоно. Ее руки обнимают его за спину, за ягодицы, деловито располагают восставшую плоть поудобнее между своих бедер, чтобы приобщить Деймона к таинству, известному людям с сотворения мира.

Задранные верхние и нижние юбки мисс Сары легли на тело Деймона. Однако это не помешало ему уловить тот момент, когда он оказался в запретном, укромном и вожденном гнездышке. Со стоном он стал погружаться все глубже. Она извивалась под ним, подталкивая его к тому, чтобы начать ритмичное движение. Деймону как-то довелось это видеть, он слышал об этом от своих сверстников, но собственного опыта не имел. Мисс Сара запустила руки в волосы на его затылке и стала жарко его целовать. При этом ее тело неистово извивалось под ним, казалось, оно требует укрощения. Деймон уперся локтями в траву. Ему сейчас было наплевать на то, что его тонкая нарядная рубашка будет испачкана. Плевать на то, что Сара до боли царапает ему плечи и спину. Для него сейчас существовало лишь одно – пряный аромат любовного сока – и она, она, она...

Деймон почувствовал, как мощный поток горячего семени начал извергаться в девичье лоно, и закричал от сладострастия. Ногти мисс Сары впились ему в спину, лицо ее в экстазе исказилось, тело выгнулось ему навстречу – и она тоже закричала. Мышцы ее лона сжали его естество и запульсировали, выжимая из него последние соки и силы.

Все кончилось. Обняв мисс Сару, Деймон ткнулся разгоряченным лбом в прохладу травы, хватая ртом воздух, пытаясь осознать то, что сейчас с ним произошло.

– Ой, Сара...

– Здорово, правда? Для первого раза ты действовал просто замечательно!

Он расплылся в счастливой глупой улыбке:

– А ты... ты была великолепна. Просто великолепна.

Сара захихикала. Деймон провел рукой по ее щеке и повернул голову, чтобы поцеловать ее. Его ствол вновь зашевелился, обретая твердость. Интересно, он способен когда-либо смириться и остановиться? Деймон положил руку на пышноволосое гнездышко, предвкушая повторение магического действия и про себя благодаря лордов Уикома и Эвешема за то, что они побудили его совершить все это, чтобы он мог войти в их Кружок. Теперь он не только стал настоящим мужчиной, но и приобрел друзей. К тому же хороших друзей.

Башмак опустился на его спину – как раз между лопаток.

– Никак это юный Морнингхолл? Наслаждаетесь новым учебным предметом, милорд?

Деймон застыл от ужаса и мгновенно вернулся к действительности. За тот промежуток времени, который требуется для одного удара сердца, он вдруг ощутил движение ветерка, овевающего его голый зад, и почувствовал, как напряглась лежащая под ним девушка. Его окатил прилив леденящего страха, и засосало под ложечкой, что случается всякий раз, когда тебя застают за каким-то предосудительным, гадким занятием.

Взрыв смеха донесся из затемненных комнат наверху и раскатился эхом в обширном темном дворе.

Уиком, Эвешем – весь Кружок. Они хохотали над ним.

Абсолютно все.

Деймон вскочил на ноги. Его предали! Вначале он почувствовал жгучую обиду, которая затем сменилась гневом и, наконец, смятением. И эти чувства он обязан скрыть за маской холодного равнодушия, ибо он маркиз Морнингхолл. Сейчас неуместны ни оправдания, ни ссылки на то, что тебе лишь пятнадцать лет, ибо ты приобщился к акту зрелости и должен отвечать за последствия.

Деймон медленно поднял голову и увидел искаженное бешенством лицо декана.

– Поднимайся!..

Голос декана был резким, каменно-холодным и зловещим.

Мисс Сара, узнав голос дяди, вскрикнула, столкнула с себя Деймона и вскочила на ноги.

– Скотина! Дикарь и чудовище! У тебя нет никакого уважения к женской добродетели! Напасть на невинную девушку, вытащить из спальни и совратить ее! У тебя есть понятие о чести? У тебя нет ни капли стыда!

Она одернула юбки и принялась рыдать как безумная. Деймон в шоке смотрел на девушку, лишившись дара речи. Что за чушь она несет? Напал на нее и соблазнил? От удивления его брови поползли вверх, но прежде чем он успел что-то сказать в свою защиту, мисс Сара со всего маху залепила ему пощечину и бросилась в объятия дяди. Из ее глаз брызнул такой фонтан слез, который мог бы поднять уровень Атлантического океана по крайней мере на фут.

А кошмарный хохот все продолжал разноситься по двору.

Лишь привитое воспитанием чувство собственного достоинства удержало Деймона от того, чтобы пуститься в паническое бегство. С презрительным видом он натянул брюки и застегнул их, хотя пальцы плохо его слушались, а сердце колотилось как молот. И делал это он под гомерический хохот, доносившийся из окна сверху, и визгливый голос мисс Сары:

– Он набросился на меня, дядя! Он принудил меня к этому кошмарному, постыдному акту, клянусь тебе! Пойми, я всего лишь жертва! Он овладел мною силой! Он изнасиловал меня! Он... о-о-о...

Прижав племянницу к груди, декан устремил на Деймона свирепый взгляд:

– Это так, Морнингхолл?

Все было не так. Совсем не так. И внезапно им овладела ярость – буйная, безудержная ярость, ибо Деймона предал не только Кружок, его предала и мисс Сара. И у него не было ни малейшего желания в этих обстоятельствах оставаться галантным. Он поднял голову, посмотрел декану прямо в глаза и проговорил, стараясь произносить слова твердо, чтобы голос не выдал тех

чувств, которые в нем бушевали:

– Я не набрасывался на вашу племянницу, сэръ. – И затем, не в силах совладать с обидой и гневом, добавил презрительно: – По правде говоря, именно «добродетельная» мисс Сара пожелала, чтобы это произошло здесь, на плацу. Лично я предпочел бы нормальную кровать, но она была решительно против.

Удар по лицу оказался таким сильным, что хрустнул аристократический нос. Из глаз посыпались искры, показалось, что земля вздыбилась и опрокинулась на него. И лишь лежа на земле он понял, что в нокаут его послал декан. Ощупывая разбитые нос и губу, он открыл глаза и увидел сквозь серую пелену его искаженное яростью лицо.

Не дав Демону оправиться от удара, он схватил юношу за ворот рубашки и рывком поставил его на ноги.

– Я сразу понял, едва ты здесь появился, что ничего, кроме неприятностей, от тебя не дождешься! – прорычал он, бешено сверкая глазами и сжимая ворот рубашки Демона с такой силой, что тот не мог дышать. – Едва увидел тебя! Порочный мальчишка! Коварный и хитрый! Испорченный до мозга костей!

Декан оттолкнул Демона от себя, и юноша, потеряв равновесие, плюхнулся на спину. Из окон наверху донесся новый взрыв хохота. От обиды и испытанного унижения у него на глаза навернулись слезы. Куда-то вдруг исчезла его аристократическая невозмутимость. Глаза зло сверкнули.

– Избыток ума всегда был твоим проклятием, а не благом! Прискорбно, что ты не воспользовался своими мозгами, чтобы работать над собой и изучать науки! Ты пошел на поводу похоти! Ты внял наущениям дьявола и отвернулся от Бога! Что такое, Сара? Да, конечно, дорогая, я понимаю. Успокойся, дорогая! Все будет в порядке, эта скотина больше не подойдет к тебе. – Декан притянул голову племянницы к своей груди и, устремив гневный взор на Демона, заявил, грозя пальцем: – Не думаю, что твои деньги помогут тебе откупиться, Морнингхолл! Ты титулованный и богатый, но ты гадкий и порочный! Неудивительно, что преподаватели тебя терпеть не могут! Неудивительно, что ты забросил занятия и предался плотским утехам! Неудивительно, что даже твоя родная мать считает тебя грязным и порочным, настоящим исчадием ада! Немедленно иди собирай свои вещи и убирайся вон с моих глаз!

Деймон обрел наконец дар речи, хотя это был всего лишь шепот:

– Как – собирай вещи? Я вас не понимаю, сэр...

– А ты пойми: с этого мгновения ты должен освободить Оксфорд от своего присутствия! Я не желаю больше видеть твою физиономию! Твои занятия здесь окончены. Ты слышишь меня? Окончены! Я отправляю тебя назад к матери!

Деймон побледнел. Мир стал наезжать на него, сжимаясь до ширины тоннеля, грозя его раздавить. Аристократическая холодность окончательно дала трещину и раскололась – он почувствовал себя незащищенным, уязвимым, открытым всем ударам судьбы.

Он повернулся и бросился бежать. Тьма ночи поглотила Деймона, но еще долго его преследовал хохот членов Кружка, разносившийся над обширным квадратным двором колледжа.

Последняя ночь лорда Морнингхолла в Оксфорде походила на кошмар. Он не мог отделаться от гнетущих мыслей, а когда под утро его одолела дрема, ему приснилась мать, которая безжалостно бьет его, швыряет вслед ему винную бутылку и попадает в лопатку, при этом что-то бессвязно бормочет о его дьявольских глазах, дьявольском облике, дьявольских поступках...

Сейчас, при утреннем свете, Деймон выглядел осунувшимся и подавленным. Он механически побросал свои вещи в чемодан и поставил его на стул. За окном заря позолотила величественные шпили, поднимавшиеся над городом, окрасила старинные каменные здания в палевые, розовые и золотистые тона. Под его окном виднелся ухоженный зеленый газон, покрытый туманной дымкой. Где-то ворковали голуби. Солнечные лучи осветили могучие коринфские колонны библиотеки напротив.

Оксфорд. Он в последний раз любит его величавой древней красотой, в последний раз видит эту дивную панораму. Деймон стиснул зубы. Наплевать! Он ничему здесь не научился. Если не считать одной науки – как заставить девушку стонать и рыдать в своих объятиях.

Он присел и стал обуваться.

Наплевать!

Хотя на самом деле ему было совсем не наплевать. Несмотря ни на что, жизнь в Оксфорде была все же гораздо лучше той, которую Морнингхолл знал раньше... При мысли о том, что он должен возвратиться домой, у него леденело все внутри и начинало колотиться сердце.

«Я не вернусь туда, – поклялся он, нагибаясь за вторым башмаком. – Мать станет кричать на меня. Она позовет его преподобие Кройдена и велит ему изгнать из меня дьявола. А после его отъезда она снова приложится к бутылке и будет бить меня. А затем еще и еще».

В Морнингхолле спрятаться было негде. Ни в библиотеке, в которой он некогда забывал обо всем среди книг, прячась от тяжелой руки матери. Ни в спальне, которая своей мрачной старинной мебелью с геральдическими крестами и роскошной резной кроватью с пологом на четырех столбиках всегда пугала его, потому что до него принадлежала пятерым другим маркизам, чьи души, надо полагать, продолжали там обитать. Ни на конюшне. Одним словом, нигде, несмотря на то что он был наследником титула и обширного имения.

Ибо ничто не могло защитить его от материнского безумия. И от гнева, который ее обуяет, когда та узнает, что он изгнан из Оксфорда.

Юный маркиз завязал шнурки на башмаках и продолжал сидеть, наклонившись вниз и обхватив голову руками. Все будет так, как было всегда до этого. Деймон-дьявол! Деймон-зверь. Деймон, родившийся на шестой день шестого месяца шестого года десятилетия. О, помоги ему боже!

Руки у него стали дрожать, пот выступил на ладонях, прижатых к бровям. Он ясно все это видит – вопли, крики, рыдания, пьянство, побои...

Проведя ладонью по лицу, Деймон встал и приказал себе не думать о неизбежном.

Солнце успело подняться и разогнать туман над ухоженным двором. Янтарные оттенки стен библиотеки сменились на лимонные, солнечные лучи заиграли в венецианских окнах. Где-то запел дрозд. Из кухни долетели запахи еды. В соседней комнате слышался смех. Огромный университет просыпался. Лучше

бы уехать сейчас, пока еще не все узнали о том, что с ним произошло. Хотя вполне возможно, что об этом уже все узнали... Он перенес достаточно унижений.

Деймон завязал галстук, натянул строгий, отлично подогнанный сюртук, взял шляпу, чемодан и пошел к выходу, собираясь покинуть свою комнату – и Оксфорд. Высоко подняв голову, плотно сжав губы, он вышел из здания, которое в течение нескольких месяцев называл своим домом. Он обогнул величественный Большой Четырехугольник, прошел через церковь и вышел из ворот, над которыми семитонный Большой Том накануне своими ударами возвестил о его, Деймона, предстоящем уходе. Деймон двинулся в южном направлении по Фиш-стрит, надеясь на то, что его никто не узнает, и в то же время в глубине души ожидая, что откуда-нибудь появится декан и попросит его вернуться.

Его никто не узнал. Никто не обратил на него никакого внимания. И декан так и не появился. И не попросил его остаться.

Деймон сжал ручку чемодана, чувствуя, как дрожат его пальцы. Он продолжал идти с бесстрастным выражением лица, глядя прямо перед собой, то и дело холодея при мысли о том, что его ожидает в Морнингхолле.

Трудно сказать, сколько прошло времени, прежде чем панцирь его душевных страданий пробили звуки внешнего мира. Праздничный звон колоколов. Лай собак. Музыка и пение вдалеке. И постепенно все это становилось громче, словно приближаясь к нему.

На мгновение у Деймона родилась фантастическая мысль, что это организовано в его честь, что к нему кто-то идет, чтобы вернуть его в университет. Однако эта фантазия быстро испарилась, когда мимо него стали с криками пронеситься молодые люди, толкая его и требуя, чтобы он убрался с дороги. Толпа прибывала. Чей-то локоть прошелся по его ребрам. Его обогнала стайка мальчишек с собакой – они бежали так, что у них только пятки сверкали. Над головой Деймона с шумом открывались окна, из которых высовывались люди. Они махали цветными платочками и выкрикивали приветствия. Другие люди выбегали из зданий и, как во времена всеобщего исхода, вливались в толпу, двигавшуюся по улицам.

Деймон был рад любому поводу, который мог оттянуть его возвращение в Морнингхолл. Он поправил шляпу и последовал за толпой.

Ширина людского потока составляла, должно быть, не менее десятка футов. Деймон стал пробиваться вперед, не обращая внимания на сердитые взгляды и проклятия в его адрес. К счастью, его рост был таков, что позволял Деймону видеть поверх голов, и он наконец отыскал объект всеобщего внимания.

Это была карета, ведомая упряжкой возбужденных серых лошадей, которым было весьма непросто пробиться сквозь огромную орущую толпу. Деймон встал на цыпочки, чтобы лучше все разглядеть. Мешали вскинутые в восторге людские руки, в ушах звенело от истерических воплей. На Деймона напирали, его толкали, брали в тиски, оттесняли, поскольку всем хотелось оказаться поближе к карете, хоть что-то рассмотреть. Над морем голов появился какой-то просвет, и Деймону удалось увидеть того, в чью честь звонили все колокола и кого сейчас столь неистово приветствовала толпа.

Всего лишь мимолетный взгляд, но его оказалось достаточно, чтобы жизнь юного маркиза Морнингхолла круто изменилась. Деймон на мгновение увидел красивого мужчину в бело-голубой морской форме с блестящей золотой отделкой. От его волос отражались лучи утреннего солнца, словно от золота фараонов. Вот он, герой!

А герой выглянул из кареты, галантно взял руку молодой девушки и поднес ее к своим губам. Он засмеялся, когда лошади унесли карету вперед, а девушка осталась стоять, выкрикивая имя героя и прижимая платочек к губам. Каждая черточка лица этого человека свидетельствовала о его мужестве, приподнятые уголки рта – о чувстве юмора, а холодные серые глаза смотрели на всех – и в то же время не видели никого, когда он рукой приветствовал людей, высыпавших на улицы, чтобы отдать ему дань уважения.

– Коммодор Лорд! Коммодор Джулиан Лорд! Оксфорд приветствует тебя! Добро пожаловать в Оксфорд, коммодор Лорд!

Деймон вдруг почувствовал вспышку гнева. Он повернулся, чтобы глотнуть воздуха, и увидел рядом женщину, как и он, влекомую толпой. Глаза у нее широко раскрылись, когда она встретилась с его взглядом и, ахнув, попыталась сделать шаг назад, прижав руку к груди.

Эта реакция лишь усугубила раздражение Деймона.

– Могу я узнать, что национальный герой собирается делать в Оксфорде? – растягивая слова, спросил Деймон, которому стало немного не по себе от пристального взгляда женщины.

– Он приехал получить звание почетного доктора университета, – быстро ответила та, пятясь назад и прижимаясь к телам других людей, лишь бы оказаться подальше от Деймона. – Прошу вас извинить меня...

Деймон вновь повернулся к карете и смотрел на нее до тех пор, пока карету вновь не поглотила толпа. Праздник продолжался. Откуда-то налетел ветер, словно и он торопился поприветствовать коммодора Лорда. Люди начали расходиться. Деймон остался стоять на тротуаре. Последние несколько человек пробежали мимо. По мостовой ветер гнал клочки бумаги. Шум торжества ослабевал, процессия двигалась по направлению к отелю «Стар». Там поселится коммодор Джулиан Лорд. Всеми любимый, уважаемый, почитаемый и обожаемый. А вот Деймона никто не любил. Он не был ни уважаемым, ни почитаемым, ни обожаемым.

И, стоя на тротуаре, изо всех сил сжимая от гнева и зависти кулаки, Деймон понял, что если он чего и хотел бы в жизни, то именно этого. Если Джулиан Лорд смог стать героем, то сможет и он. Если Джулиан Лорд сумел завоевать любовь всей нации тем, что топил французские суда, то и он сумеет добиться этого. Он убежит из дома и поступит на флот. И тоже станет героем. Заслужит уважение и восхищение своих соотечественников. И все будут его любить и почитать, как сейчас чтут Джулиана Лорда.

Так оно все и будет.

Вздернув подбородок, лорд Морнингхолл зашагал вперед, на юг, не замечая ни обрывков бумаги, ни мусора, которые гнал по дороге ветер.

Он шел в сторону моря.

Развращенные и погрязшие в наслаждениях люди! Вы издеваетесь над своими жертвами, заявляя в то же время в парламенте, что заключенные счастливы!

Знаете ли вы, в каких чудовищных условиях они пребывают? Посетите их без предварительного уведомления, дерзните спуститься ночью в те самые склепы, куда вы заточили этих несчастных, ведь они такие же люди, как и вы; попробуйте хотя бы одну минуту подышать теми тлетворными испарениями, которыми они дышат многие годы и которые доводят их до смерти от удушья; посмотрите, как они мечутся на своих подвесных койках, атакуемые тысячами насекомых, тщетно мечтая о сне, чтобы хотя бы на короткий миг забыть о своих муках.

Французский военнопленный полковник Лебертр.

Глава 1

Прошло десять лет с того злополучного дня, когда лорда Морнингхолла исключили из Оксфорда. За это время Англия успела ввязаться еще в одну войну, на сей раз со своими бывшими колониями по другую сторону Атлантики.

Причиной войны 1812 года стала британская самонадеянность, ибо кораблям его величества было приказано останавливать нейтральные торговые американские суда для «инспекции» и забирать с них моряков, объявляя их – заслуженно или облыжно – английскими дезертирами. Вполне естественно, что окрепшие к тому времени Соединенные Штаты оскорбились, поскольку далеко не все забираемые с их судов моряки были дезертирами, тем более английскими.

Продолжающаяся война с Францией и разразившаяся новая война с Соединенными Штатами способствовали оживлению деятельности английских портов. Военные корабли останавливались в сухих доках для ремонта; со стапелей сходили новые суда; в бухты заходили корабли всех видов с самыми различными грузами; таверны на берегу были заполнены морскими офицерами в нарядной бело-голубой форме – элитой самого лучшего флота в мире. И когда соотечественники читали об очередной английской победе в каком-то далеком уголке мира или наблюдали за идущим полным ходом громадным военным кораблем, у них невольно возникало чувство гордости за людей моря, если даже они не склонны были к романтическому восприятию действительности. А вот обратная, постыдная сторона войны как-то не была видна. О ней никто не хотел

задумываться. Некогда brave, здоровые моряки теряли зрение, оказывались без рук или без ног, вынуждены были просить подаяние на улицах или на набережных. Их жены становились вдовами, беспомощными и одинокими, дети – сиротами.

И появлялись морские тюрьмы. Условия в этих плавучих тюрьмах были настолько ужасными, что в них могли выжить разве что крысы. Лишенные мачт, оснастки и парусов, с искореженными надстройками цвета сажи, оседающей из дымящих труб, некогда могучие и гордые военные корабли становились домом – и адом! – для тысяч французских, американских и прочих военнопленных, которые влачили здесь жалкое существование в надежде на побег или смерть. Плавучие тюрьмы стояли на якоре в каждом английском порту. У ищущих славы офицеров королевского флота служба на них считалась самой презренной и постыдной.

Весной 1813 года именно на одном из таких бывших военных кораблей находился на службе шестой маркиз Морнингхолл, четвертый граф де Вулф.

– Милорд! Что делать с посетителем?

Деймон был настолько поглощен чтением, что даже не слышал, как корабельный гардемарин Дэнни Фойл вошел в его каюту.

– С посетителем? – рассеянно переспросил Деймон, не поднимая головы и водя пальцем по строчкам текста.

– Да, сэр. С женщиной, сэр.

– Ах да, с этой неумной, ужасной почтенной леди Гвинет Эванс-Симмс. – Деймон захлопнул книгу и устремил проницательный взгляд на гардемарина. – Как будто визита адмирала Болтона, убийства начальника интендантской службы, а затем побега трех военнопленных недостаточно для одной недели...

– Побег прошлой ночью произошел не по нашей вине, – жалобным тоном возразил Фойл. – Все говорят, что это работа Черного Волка.

– Черный Волк? Как бы не так! А как звали того американского капитана, который совершил побег на прошлой неделе? Мэтсон? Морган? Что-то вроде

этого...

– Меррик, сэр. Коннор Меррик.

– Впрочем, Морган или Меррик – какая разница? Не могу понять, почему все верят в то, что Черный Волк – это дух умершего заключенного, который является, чтобы отомстить. Не нужно быть гением, чтобы сделать вывод: сей мифический тип, который, кстати, стал досаждать нам сразу после побега этого Меррика, – явно американец. И он поставил цель отомстить мне. – Чертыхнувшись, Деймон отложил в сторону книгу и, поднявшись во весь свой весьма внушительный рост, подошел к окну на корме. – Надо впустить воздуха, – сказал он, раздраженно распахивая окно.

Фойл крепко сцепил за спиной руки, чтобы не было видно, что они дрожат. Он боялся лорда Морнингхолла. Его боялись все, вплоть до лейтенанта Джона Редли, обладателя тяжелых кулаков, который распоряжался принадлежащими королевскому флоту кабриолетами. Сегодня его светлость пребывал в весьма мрачном настроении, хотя Фойл полагал, что осуждать его за это нельзя. Дьявольски обидно, когда сбегают американские военнопленные, тем более что об этом благодаря газетам узнает весь Портсмут. Закусив губу, Фойл рискнул бросить взгляд на большую книгу, которую перед этим читал лорд Морнингхолл. Это оказался «Указатель болезней» Петерсона.

– Вы больны, милорд?

Маркиз метнул на него грозный взгляд.

– Разве я выгляжу больным, Фойл?

– Вы выглядите... усталым, сэр!

– Усталым... Что ж, пожалуй. – Повернувшись к открытому окну, он наклонил голову, рассеянно разглядывая ноготь большого пальца. Внешне он казался спокойным, однако Фойла не обманешь. Морнингхолл умел скрывать свои эмоции под маской бесстрастной холодности.

– Так чего эта старая ведьма хочет?

– Старая ведьма?

– Эта валлийка, черт бы ее побрал!

– А-а, ну да... Вы знаете, сэр, старая ведьма решила изучить состояние корабельных тюрем и собирается начать с нашей.

– Понятно.

Продолжая теревить ноготь, маркиз посмотрел на бухту. Солнце отражалось в волнах и освещало его лицо, в котором действительно было что-то демоническое. Фойл подумал, что подобные языки пламени полыхают в преисподней, и при мысли об этом у него пересохло в горле.

– Приходится лишь гадать, с какой стати она набросилась на эти тюрьмы, вместо того чтобы... – размышляя вслух, глухо проговорил маркиз, что отнюдь не убавило тревоги Фойла.

– Не знаю, сэр. Ее муж, покойный лорд Симмз, питал страсть к морским делам. Вероятно, здесь есть связь.

– Сомневаюсь.

Видимо, в силу большого нервного возбуждения Фойла словно прорвало:

– А еще, милорд, можно удивляться, почему управление транспортом дало леди Симмз разрешение подняться на судно. Вы же знаете, как неохотно они допускают посторонних на борт плавучих тюрем; они опасаются, а вдруг кто-нибудь подумает, будто условия здесь гораздо хуже, чем они есть на самом деле. Можно легко сделать неверные выводы и заявить, что с заключенными плохо обращаются, что над ними издеваются, хотя мы знаем, что это не так. Она наверняка получила разрешение от своего деверя, нынешнего лорда Симмза. Он занимает высокий пост в управлении транспортом.

– Мистер Фойл...

– Это правда, сэр, а как бы она иначе...

– Мистер Фойл!

Гардемарин умолк, побледнел и на всякий случай отступил на шаг.

Морнингхолл некоторое время сверлил Фойла взглядом, затем повернулся и прислонился к шпангоуту, рассеянно положив руку на грудь. Черные волосы его были зачесаны назад, открывая высокий благородный лоб, и Фойл вдруг заметил, что лицо у лорда бледное и напряженное. Он увидел плотно сжатые губы, пальцы, стиснувшие спинку стула, и капельки пота над аристократически изогнутой бровью.

– Милорд, вы хорошо себя чувствуете?

– Разумеется, хорошо! – рявкнул маркиз, бросив испепеляющий взгляд на излишне любознательного подчиненного. Затем, закрыв глаза, добавил: – В общем, все нормально.

– Я могу пригласить доктора, если хотите...

– Я думаю, больше проку будет от судового священника, чем от этого мясника, который называет себя хирургом. Да ты не беспокойся, Фойл. – Вынув носовой платок, он промокнул пот на лбу, затем, взглянув на гардемарина, сказал с раздражением: – Пожалуйста, оставь меня одного. Я сейчас никого не хочу видеть.

– А как же... гм... посетительница, сэр?

– Ах да. Она из тех, кто хочет превратить мою жизнь в ад. Защитница сирот и пенсионеров, вдова самого большого красnobая, который когда-либо заседал в палате лордов. Сейчас он сделал ее орудием против моего ведомства. – Маркиз выпрямился и посмотрел в окно. – Скажи этой старой ведьме, что она может подняться на борт, когда пробьет восемь склянок.

– Н-но... Она ожидает сейчас на пирсе, сэр, и просит разрешения подняться на корабль немедленно.

– Она поднимется сюда в то время, какое я назвал, и ни минутой раньше.

– Н-но...

– Я сказал, Фойл. Пусть она подождет, – холодно оборвал его Деймон, устремив гневный взгляд на юношу. – Я достаточно ясно выразился?

Фойл кивнул:

– Да, сэр. Я скажу ей это.

– Хорошо. И не забудь закрыть дверь, когда будешь уходить. Я не намерен нюхать идущую снизу вонь.

Леди Гвинет Эванс-Симмс сидела в шлюпке, изо всех сил стараясь не замечать лужу, которая плескалась у ее ног, замочив юбку, и лишь морщила нос, когда до нее долетали тошнотворные запахи с плавучей тюрьмы. «Суррей» был грозным военным кораблем, но, глядя на него сейчас, трудно было поверить, что когда-то он под парусами бороздил океаны. Плавучая тюрьма колыхалась на волнах, похожая на черную запущенную язву, и для Гвинет не составляло труда нарисовать в своем воображении картину того ада, в котором пребывали несчастные военнопленные. У нее слезились глаза; она вытащила платочек, пахнувший розовой водой, и прижала его к лицу. Фиалковые глаза ее сердито смотрели поверх белого лоскутка материи.

Это очень хорошо, что она рассердилась. Люди говорят, что у нее очень доброе и милое лицо, и поэтому ей трудно добиваться каких-то результатов. Но сегодня у леди Гвинет Эванс-Симмс были все основания не только сердиться, но и прийти в ярость.

Взять уже хотя бы то, что лорд Морнингхолл счел возможным заставить ее ждать. Кроме того, она догадывалась, в каких невыносимых, нечеловеческих условиях содержал этот тип несчастных военнопленных. И это пробуждало бойцовский дух в Гвинет. Она сумеет кое-что сказать этому зверю, когда встретится с ним лицом к лицу.

Гвинет оторвала взгляд от плавучей тюрьмы и увидела, что матрос, сидящий на веслах, не сводит глаз с ее высокой груди. На его губах застыла мечтательная

улыбка, капельки пота поблескивали над бровью. Привыкшая к похотливым взглядам и непристойным репликам, Гвинет осадила его ледяным вопросом:

- Ты увидел что-то очень интересное, матрос?

Моряк не ожидал подобной враждебности от столь очаровательного создания. Покраснев и смутившись, он пробормотал:

- Прошу прощения, мадам...

- Меня зовут леди Симмз.

- Да, прошу прощения, леди Симмз. Просто я подумал, что вы совсем не такая, как мы все ожидали. Его светлость будет не слишком рад, когда вы прибудете на борт судна.

- Тебя это так беспокоит? Не могу не сказать тебе, что гребешь ты неровно и недостаточно энергично. Имей в виду, матрос, что я не отношусь к тем людям, которые любят ждать.

- Да, леди Симмз.

Ухмыляясь, матрос энергично навалился на весла. Весла погружались в искрящуюся рябь, выныривали, взмывали вверх и снова погружались в воду. Шлюпка легко скользила по волнам, приближая Гвинет к плавучей тюрьме.

Она снова приложила платочек к носу. Зловоние было поистине сногшибательным.

Изо всех дел, к которым Гвинет обращалась по зову души и сердца, это, судя по всему, будет особенно трудным. И причина вовсе не в том, что ее пугали трудности. Наоборот, они помогали ее характеру раскрыться. Но это было первое дело, которое она предприняла без поддержки и совета покойного мужа, умершего от воспаления легких тринадцать месяцев назад. Бедный Уильям! Он был влиятельной фигурой в палате лордов. И хорошим другом. Как ей сегодня не хватает его содействия, его мудрого совета! Ей даже хотелось, чтобы он сейчас видел, как она собирается дать бой этому прохвосту, который командует

плавучей тюрьмой «Суррей»...

Она выполнила немалую подготовительную работу. «Деймон Эндрю Филипп де Вулф, шестой маркиз Морнингхолл, четвертый граф де Вулф, родился в 1786 году, в 1802-м – изгнан из Оксфорда, летом того же года поступил во флот». Она достала ридикюль, вынула из него маленький блокнот и перечитала свои записи, хотя уже знала их наизусть. Она проделала это просто по привычке. «Отмечен за храбрость в Трафальгарском сражении в 1805 году. Присвоено звание лейтенанта в 1806 году и капитана – в 1810-м. Предан морскому суду в 1814 году за попытку нанести увечья другому офицеру после ссоры по неизвестной причине, за что понижен в звании». И, наконец, последнее событие в хронологии морской службы лорда Морнингхолла: месяц назад он дрался на дуэли и убил сына адмирала Эдмунда Болтона, что и послужило, как она подозревала, причиной его скоропалительного перевода на плавучую тюрьму.

Плавучая тюрьма... А ведь он как-никак маркиз!

Гвинет, закрыв блокнот, рассеянно постукивала пальцем по обложке, глядя на судно, к которому они приближались. Конечно, подобные пятна на репутации должны были повредить карьере Морнингхолла и озлобить его, и ей следует постоянно об этом помнить, общаясь с ним, с этим низкорослым, надменным и подлым человеком. Именно таким она рисовала его в своем воображении. Или же напыщенным, с огромным самомнением – эдакая жирная свинья, стоунов в двадцать весом, с красным от постоянных попок носом. Во всяком случае, тип весьма противный. И не приходится сомневаться, что распространившаяся по Портсмуту сенсационная новость о том, что некий таинственный незнакомец, называющий себя Черным Волком, совершил накануне налет на корабль и увел с собой нескольких американских военнопленных, отнюдь не прибавит снисходительности его невоздержанному нраву.

Обычно Гвинет, имея дело с подобными типами, проявляла терпение и жалость. Однако этот человек повел себя по отношению к ней как настоящий деспот, заставив ее ждать. А посему Гвинет не собиралась демонстрировать свое долготерпение, сочувствие к нему или понимание.

Громкие крики и вопли заключенных нарушили течение ее мыслей. Именно в этот момент она обратила внимание, что солнечные лучи погасли и на ее синюю юбку легла вечерняя тень. Подняв голову, она увидела перед собой вздымающийся корпус корабля. Матрос стал огибать на шлюпке эту мрачную

искореженную громаду, подплывая к шаткому трапу.

Даже чайки не осмеливались подлетать близко к этой плавучей преисподней. Поистине сама вода казалась здесь такой же мертвой, как в мифической реке Стикс.

– Вы уверены, что хотите подняться на борт, миледи? – ухмылкой прокричал матрос, пытаясь перекрыть доносившиеся из трюма вопли.

– Ты уверен, что не хочешь принять освежающую ванну в этой луже? – огрызнулась Гвинет, засовывая блокнот в ридикюль. – Помоги мне подняться, пожалуйста.

Сотни грязных рук высывались из затянутых колючей проволокой бойниц. Вопли становились все сильнее и оглушительнее.

Гвинет протянула руку матросу и посмотрела выжидательно.

Тот, чуть помешкав, пожал плечами и взял ее затянутую в перчатку руку. Еще через несколько мгновений она стояла на маленькой площадке у основания трапа. Одна.

Морнингхолл никого не прислал, чтобы ее встретить. Придерживая одной рукой голубую бархатную шляпку, Гвинет поднялась по мокрым ступенькам и услышала, как замерли все голоса на корабле.

Глава 2

На палубе Гвинет встретил молодой гардемарин.

– Я корабельный гардемарин Фойл, – представился он и пожал ее руку в перчатке, раздуваясь от важности. – Добро пожаловать на «Суррей».

– Да, действительно...

Весьма нелюбезный тон гостя несколько не обескуражил Фойла. Очевидно, его не смущало и зловоние, распространившееся снизу. Прижав к носу платочек, Гвинет проигнорировала предложенную ей руку и, подобрав юбки, последовала за гардемаринном. Она чувствовала на себе любопытные взгляды матросов, слышала приглушенные реплики, смешки; видела, как матросы подталкивают друг друга локтями. Кто-то негромко прыснул.

Гвинет продолжала молча идти, хотя глаза ее прищурились и на щеках выступили красные пятна.

– Не обращайтесь внимания на это, – сказал Фойл. – Боюсь, что море – это не то место, где обучают хорошим манерам.

– Это ваш благородный капитан уже доказал, – ядовито заметила Гвинет, кипевшая негодованием при виде кошмара, который открылся ее глазам. Подумать только, нормальные люди вынуждены жить в этом плавучем аду! И ведь их единственное преступление состоит в том, что они воевали на стороне противника. – Впрочем, это не имеет значения. Все, что я здесь вижу, отвратительно, и после окончания моего визита лорд Морнингхолл проклянет тот день, когда встретился со мной.

Гардемарин лишь скептически поднял бровь, однако Гвинет успела заметить на его лице усмешку. Ну конечно, ему легко быть таким беспечным, ибо его не принуждали жить в том аду, в каком живут несчастные внизу! Гвинет знала по своему опыту, что люди в положении Фойла не питают жалости к другим и, более того, находят удовольствие в том, чтобы поиздеваться над слабыми, обездоленными и беспомощными. Фойл, видимо, был из той породы. Она могла судить об этом по его порочному рту, покачивающейся походке. И к тому же она видела его скептическую ухмылку, словно она, Гвинет, сказала нечто очень забавное. Может, он думает, что Морнингхолл вынудит ее бежать, поджав хвост? Этому они оба не дождутся. Гвинет собралась было уже открыть рот, чтобы все это высказать, когда Фойл схватил ее за локоть, чтобы отвести в сторону от группы чумазных заключенных, с отсутствующим взглядом выходящих из черного люка.

Это зрелище подействовало на Гвинет так, что она остановилась как вкопанная.

В оборванной, некогда желтого цвета одежде, зажмурившись от внезапного света, они остановились, прикрывая глаза и издавая стоны. На ногах у них были цепи, которые громко лязгали, пока пленники передвигались по палубе. Заросшие бородами лица искажала общая гримаса страдания, спины были сгорблены, у многих имелись ярко выраженные признаки цинги.

– Боже милосердный! – ахнула Гвинет. Лицо у нее побледнело, губы задрожали.

– Пойдемте, мадам, вам не следует смотреть на этих людей, – сказал гардемарин.

– На них цепи, – бормотала она. – Зачем это?

– Один из заключенных совершил прошлой ночью побег и утонул в трясине, болван этакий. Этим снимают с корабля, чтобы похоронить бедолагу. Поэтому и цепи. Пойдемте дальше.

Несмотря на подступающий к горлу ком, Гвинет воспротивилась попыткам гардемарина оградить ее от тяжелого зрелища. Она остановилась, чтобы, преодолевая ужас, посмотреть на проходящих мимо несчастных. Один молодой человек тоже остановился и протянул к ней худющую, как у скелета, руку; словно хотел убедиться, что перед ним не видение, но конвоир рывкнул на пленного и стукнул его мушкетом сзади по ногам. Заключенный упал, ударившись подбородком о закопченную палубу. Молча, собрав остатки гордости, он вскочил. На желтой его рубашке стоял штамп «Т.У.». Рубашка спереди разорвалась, и проглянула свежая ссадина. Гвинет оцепенела и, приложив кулак ко рту, попыталась остановить подступавшие к горлу слезы. Мужчина больше не смотрел на нее, очевидно испытывая чувство стыда. Понурившись, он, хромя, последовал за своими товарищами по несчастью. Гвинет судорожно сглотнула, делая усилие над собой, чтобы не показать Фойлу, до какой степени ее потрясло увиденное. Ей понадобятся весь ее ум и эта злость, если она хочет что-то изменить в жизни пленников.

– Прошу прощения, миледи, но если брать плавучие тюрьмы, то это одна из лучших...

– Из лучших?! – иронично переспросила Гвинет. Вкрадчивый голос гардемарина словно вывел ее из шока. – Я не вижу ничего хорошего в этой жестокости и

думаю, что к тому времени, когда я закончу свое путешествие по этой преисподней, у меня соберется достаточно материала, чтобы заклеить вас всех позором! Даже свиньи живут в более сносных условиях!

Порыв ветра принес новую порцию отвратительных запахов. Из пучка белокурых волос Гвинет выбился локон. Она снова затолкнула его под шляпку, пытаясь справиться с разгулявшимися нервами. Резким кивком головы она показала юноше, чтобы он продолжил путь.

Они шли мимо люка – входа в зловонное чрево корабля. Гвинет остановилась и, поколебавшись, отняла платок от лица. В нос ей ударили тлетворные запахи болезней, экскрементов и смерти.

– Вы ощущаете запах уксуса, – с важностью пояснил Фойл, увидев, что Гвинет наморщила нос. – Капитан приказывает окуривать корабль каждую ночь.

– Я так понимаю, что он одержим чистоплотностью? – саркастически заметила Гвинет.

– Он делает все, что от него зависит, миледи. И еще мы ставим паруса таким образом, чтобы бриз продувал трюм. Сожалею, если уксус вам неприятен. Не наша вина, что...

– Я возражаю вовсе не против запаха уксуса, – перебила гардемарина Гвинет. – Где содержатся пленные?

– В нижнем трюме.

– Проводите меня туда, пожалуйста.

– Я не могу этого сделать, миледи. Туда никому не разрешается входить. И вообще, боюсь, это неподходящее место для благородной женщины. – Он довел Гвинет до большой двери, окрашенной в красный цвет, и остановился. – Вот мы и пришли. Уверен, что его светлость будет... рад вас видеть.

Фойл постучал в дверь. Лицо у него вдруг приобрело испуганное выражение; после некоторого колебания он приоткрыл дверь.

Готовая к бою, Гвинет вошла в каюту. И остановилась от неожиданности.

Перед окном стоял вращающийся стул с высокой спинкой, зачехленной красным бархатом. А за спинкой стула Гвинет увидела корону черных волос.

Фойл откашлялся и писклявым голосом доложил:

– Ваша светлость, к вам леди Гвинет Эванс-Симмс.

После довольно длительной паузы прозвучал грудной голос:

– Я знаю.

Снова последовала пауза. Молчание затягивалось до неприличия. Затем стул начал поворачиваться.

Вначале показалось ухо. Затем строгий аристократический профиль.

И наконец, лицо самого дьявола.

Гвинет невольно задержала дыхание и отступила на шаг назад.

– Входите, моя дорогая, – растягивая слова, проговорил маркиз, делая приглашающий жест рукой. Он сидел, закинув ногу на ногу, белоснежная рубашка его была расстегнута под горлом, открывая мысок загорелой шеи, покрытой порослью волос. Он не потрудился встать и пожать ей руку или вообще хоть как-то поприветствовать ее. Вместо этого маркиз лишь вскинул бровь и с надменной самоуверенностью добавил: – Вы выглядите ошеломленной, но, похоже, я произвожу подобный эффект на всех женщин, с которыми встречаюсь.

«Эффект – это не то слово. Опасность!» – подумала Гвинет.

Опасность таилась в его поджаром, сильном, мускулистом теле; в его расслабленной, выжидательной позе; в том, как он смотрел на нее, – он словно собирался соблазнить ее прямо сейчас и здесь.

Лицо его было удивительно вылеплено, в нем ангельская красота сочеталась с чем-то демоническим, порочным и в то же время привлекательным. Но больше всего притягивали и волновали его глаза. Они были холодные, серо-голубого оттенка, в их глубине таились чувственность, искусственность и ум. Густые ресницы придавали лицу выражение скуки и дерзкого вызова. Глаза были пронзительны, выразительны и чисты, как горный ледник, – и дьявольски опасны.

– Можешь оставить нас, Фойл, – пробормотал маркиз, не отрывая от Гвинет взгляда.

Гвинет подождала, пока юноша покинет комнату.

– А в чем заключается этот эффект, лорд Морнингхолл? – с вызовом спросила она.

Что-то дрогнуло во взгляде маркиза, словно улыбка промелькнула в глазах. Но затем они снова стали холодными и жестокими.

– Вы знаете, – негромко сказал он, наклоняясь вперед, чтобы налить себе бокал бренди, и явно не собираясь предложить напиток ей, – моя мать считала меня дьяволом. – Голос у него был грудной, красивый, хорошо поставленный, резкий и одновременно мягкий. И еще – чувственный. Ангельский и демонический вместе. – Она окончила свои дни в лондонском доме для умалишенных, где с великой радостью сообщала своим столь же безумным друзьям и подругам, что родила Антихриста. – Маркиз одарил ее ледяным взглядом. – Вы гораздо моложе, чем я ожидал. Совсем девчушка. Так что вам угодно?

Быстрая смена мыслей, мгновенный переход от приятных или, во всяком случае, любезных слов к откровенной грубости явились причиной того, что Гвинет вскинула подбородок, щеки ее вспыхнули. Она устремила на него, как она надеялась, весьма дерзкий и воинственный взгляд.

– Я хочу, лорд Морнингхолл, осмотреть ваш корабль с тем, чтобы решительно осудить и наложить арест на тот ад, в котором влачат существование военнопленные и выходцем из которого являетесь вы сами, как о том с гордостью только что заявили. Могу я попросить, чтобы вы сопровождали меня, или это сделает ваш более любезный гардемарин?

– Честно говоря, миледи, я не намерен сопровождать вас, а у мистера Фойла есть другие, более важные обязанности. Вы можете покинуть корабль в любой момент, когда пожелаете. И в этом случае я буду счастлив вас проводить.

Положив ногу на ногу, он стал столь откровенно рассматривать ее грудь, что Гвинет показалось, будто он раздел ее донага и изнасиловал, даже не коснувшись рукой ее внезапно почувствовавшей жар плоти. Затем, как если бы зрелище перестало его занимать и интересовать, он тоскливо вздохнул, поднялся, подошел к окну и, стоя спиной к Гвинет, принялся смотреть на бухту.

Спина у него была широкая, красивой лепки, такая спина бывает у воинов и королей.

– Вы невероятно грубы, сэр, – дергая застёжки своего ридикюля, сказала Гвинет, как ей казалось, ровным голосом.

– Мне об этом уже говорили.

– К тому же тщеславны и влюблены в свою персону сверх всякой меры.

– Да, об этом я тоже знаю. Пожалуйста, скажите то, что мне неизвестно.

Гвинет сжала кулаки, скрипнула зубами и тихо чертыхнулась. Морнингхолл не повернулся и никак на это не отреагировал. А Гвинет обратила внимание на то, что волосы у него черные и блестящие, что они зачесаны назад и вьются по белому воротнику, и у нее вдруг возникло безрассудное желание провести по ним рукой.

– Хорошо, – жестко сказала она. – В таком случае общайтесь со стеной. Я уверена, что только на нее вы и производите впечатление. Я же намерена найти вашего заместителя и получить ответы на свои вопросы у него.

Как она и ожидала, Морнингхолл обернулся, и на его лице промелькнуло нечто похожее на обиду. Но именно промелькнуло, не более того. Очевидно, этот человек прошел хорошую школу жизни. А может быть, наоборот, никаких уроков она ему не преподносила. Так или иначе, под личиной его ангельски-дьявольского высокомерия проглядывала острая чувственность, и у нее

возникло желание бежать от него. Так бывает, когда путник зимой подходит слишком близко к жаркому костру – и обжигается.

Морнингхолл медленно поставил бокал на стол, сверля ее взглядом.

– А на вас я произвожу какое-то впечатление, леди Симмз?

– Самое неприятное. – Она вскинула подбородок и посмотрела ему в глаза, однако выдержать его взгляд не смогла. Ее щеки тут же покрылись жарким румянцем, и она отвела глаза, шагнув в сторону, чтобы маркиз не заметил ее смятения.

Но тут же остановилась и, презрительно выгнув бровь, посмотрела на инкрустированную кровать с голубовато-золотистым пологом, на свежеекрашенные стены, на плюшевые коврики.

– Но дело не в вашей грубости. Мне отвратительно видеть, что вы спокойно живете в такой роскоши, в то время как несчастных людей внизу содержат хуже скотины.

– Вы полагали, что я живу так же?

– Я полагала, что вы измените условия содержания военнопленных. А как живете лично вы – это не моя забота, меня это несколько не интересует.

– Очень жаль, леди Симмз. Жаль, что вы нашли условия моей жизни великолепными, – проговорил он тоном, за которым угадывались сарказм и горечь.

– Кстати, почему вы, один из пэров королевства, продолжаете служить во флоте, когда у вас есть политические обязанности и ответственность перед правительством? – Гвинет, в свою очередь, попыталась пронзить его взглядом, но несколько не подействовало на Морнингхолла, если не считать тени еле заметной улыбки, промелькнувшей на его лице. – Ведь вы, в конце концов, маркиз.

– Вероятно, мне нравится моя работа, – ответил он, поднимая бокал и глядя на Гвинет поверх его кромки.

– Вы пэр королевства. И не надо говорить мне, что вам нравится выполнять работу для лейтенантов-неудачников.

– Если честно, я ненавижу флот и проклинаяю тот день, когда стал моряком.

– Это понятно, если вспомнить о вашем послужном списке.

При этих словах лицо Морнингхолла потемнело от гнева. Однако Гвинет проигнорировала сей факт и взяла в руки лежавшую на столе книгу – толстый затрепанный справочник о болезнях и их распознавании. Она рассеянно перелистала несколько страниц и пренебрежительно бросила книгу на стол. Подняв голову, она увидела, что Морнингхолл смотрит на нее с откровенной яростью.

– Так почему бы вам не оставить флот, если уж вы так его ненавидите? – спросила Гвинет.

Он не ответил, хотя в его холодных глазах появился опасный огонек.

Однако Гвинет продолжала проявлять настойчивость:

– Так почему вы все-таки остаетесь на море?

– Это что – игра в вопросы и ответы?

– Я вижу, что задела вас за живое, – не сдавалась Гвинет.

– Ну хорошо. Случилось так, что я убил на дуэли сына адмирала. И адмирал оказал мне милость, определив меня на эту благородную службу. Награда вполне достойная, не правда ли?

– А что представлял собой сын адмирала?

– Это был настоящий петух, который с важным видом болтался по всему флоту. Эдакий розовощекий пустой и туповатый хлыщ. Ему следовало бы подумать, прежде чем бросать мне вызов.

– А вам следовало бы подумать, что вы можете впасть в немилость. Вряд ли вашему начальству понравилось ваше поведение. Но, похоже, это именно в вашем духе. Неосмотрительность является причиной того, что вы оказались во главе плавучей тюрьмы, в то время как другие люди в таком чине командуют блестящими фрегатами и умножают славу Британии, а благодарная страна любовно прижимает их к своей груди.

– Если Британии нужны именно такие слава и почет, то ей следовало бы не меня, а кого-то другого прижать к своим титькам.

Гвинет ахнула.

– Постыдитесь, сэр!

– А вы, мадам, занимайтесь своими делами и не лезьте в мои!

Ноздри Гвинет раздулись от гнева. Ей на какой-то момент захотелось, чтобы сейчас здесь оказался Уильям. Впрочем, что это она? Надо справиться с этим порочным типом самостоятельно, без чьей-либо помощи.

– Лорд Морнингхолл, – сказала она как можно спокойнее, приподняв подбородок и холодно глядя на него. – Надеюсь, вы понимаете, что я могу осложнить вам жизнь. И поэтому вам следовало бы обращаться со мной более уважительно.

– Я обращаюсь с людьми так, как они того заслуживают. Вы же, моя дорогая, вторгаетесь ко мне на судно, угрожаете мне, а теперь еще и оскорбляете. И я не вижу оснований для уважительного отношения к вам. Что ж, махните волшебной палочкой, обрушьте все возможные кары на меня, если вам так хочется. Вряд ли я смогу занять положение ниже нынешнего.

– Вы и сами удивитесь, насколько это возможно, – сказала она. В ее голосе звучал металл. – А меня вы весьма обяжете, если дадите возможность осмотреть камеры заключенных.

Морнингхолл поставил стакан на стол. Затем подошел к кровати, оперся о спинку, скрестив на груди руки. Одной рукой он поглаживал подбородок и рот, не спуская пронзительного взгляда с Гвинет.

Оценивающего взгляда.

Гвинет почувствовала, что у нее по телу пробегает дрожь.

– Вы и в самом деле такая мегера, как о вас говорят?

Гвинет довольно улыбнулась.

– Признаюсь, я думал, что вы постарше, – словно размышляя вслух, проговорил маркиз, в очередной раз потер подбородок и улыбнулся дразнящей улыбкой. – Вам ведь никак не более двадцати одного года. Вы и в самом деле та самая леди Симмс, что ради денег вышла замуж за старого козла, который лоббировал в парламенте тюремную реформу и разжалобил всех англичан своим нытьем о тяжелой участи шахтерских сирот?

– Та самая. А вы и правда тот самый лорд Морнингхолл... – парировала она и, подняв висевший у нее на шее лорнет, стала разглядывать его через стекло. – Тот, кого выгнали из Оксфорда, судили за неподчинение и что там еще? Ах да, – она отпустила лорнет, и он упал ей на грудь, – тот, кому прошлой ночью нанес визит Черный Волк? Он организовал впечатляющий побег американцев прямо под самым вашим носом.

Лорд Морнингхолл опустил руку и выпрямился в полный рост. Видно было, как на его виске пульсирует вена.

Сохраняя присутствие духа, Гвинет вскинула подбородок и с безмятежным видом посмотрела в окно.

– Мне очень хотелось бы встретиться с этим Черным Волком. Думаю, мы могли бы стать с ним хорошими партнерами. Пока я готовлю материалы к проведению тюремной реформы, он мог бы помочь нескольким несчастным военнопленным досрочно покинуть этот корабль.

Маркиз навис над ней – высокий, разгневанный, грозный.

– Полагаю, вам лучше покинуть судно... Это будет гораздо лучше для вас.

– Будьте уверены, милорд, я тут же покину вас, как только произведу запланированный осмотр. Уверяю вас, мне одинаково противно находиться на вашем судне и рядом с вами.

– Я сказал: убирайтесь!

– А вы что, относитесь к числу тех суеверных капитанов, которые возражают против присутствия женщины на корабле? Право, Морнингхолл, это непростительная глупость.

– Нет, я нисколько не возражаю против присутствия женщины, – пробормотал он, делая шаг вперед.

Сердце у Гвинет громко забилося, словно предупреждая о возможных неприятностях, однако она не отступила. Маркиз подошел к ней вплотную, и его красивое даже в гневе лицо оказалось в опасной близости от нее. Она слегка откинулась назад, не отступая при этом ни на шаг.

– Более того, женщины доставляют мне удовольствие.

– Не пытайтесь запугать меня, – вызывающим тоном проговорила Гвинет, встречая его взгляд.

– Судя по вашему виду, я бы сказал, что вы перепуганы даже без моих попыток вас запугать.

Он дотронулся до щеки Гвинет тыльной стороной ладони, не спуская с нее взгляда. Сейчас, когда его глаза были совсем близко, Гвинет увидела, что их голубовато-серая радужная оболочка окружена более темным кружком, а зрачки излучали золотой свет свечи, словно Создатель пытался придать своему творению некоторое благочестие, но это оказалось ему не по силам. Гвинет отпрянула, уставившись на все еще поднятую руку Морнингхолла.

– Ведь вы испуганы, не правда ли, моя дорогая?

– Нисколько! – Тем не менее Гвинет сделала шаг назад, ощутив позвоночником шпангоут.

Голова Морнингхолла приблизилась к ее лицу. Отступить дальше было некуда. Его рука легла на ее затылок, большой палец скользнул по шее. Гвинет ощутила запах сандалового дерева, тепло и силу мужчины и неожиданную слабость в коленях. Она увидела хитрую улыбку на лице маркиза. Гвинет не ударила его, не сказала ни слова. Она лишь смотрела ему в глаза и чувствовала, как ярость поднимается в ее груди.

– В самом деле, миледи, – сказал маркиз, понижая голос до полусшепота и приближая к ее рту свои губы, – прежде чем вы решитесь скрестить шпагу с дьяволом, вы должны знать, что он может быть очень опасным.

Глава 3

– Милфорд. – Суставы пальцев побелели, когда он схватил книгу. Сердце устроило бешеную гонку в груди. – Милфорд!

Тишина. Молчание. Ленивые шаги вверху, на палубе. Задыхаясь от удушья, Деймон поднял голову, открыл медицинскую энциклопедию и стал лихорадочно искать нужную статью. Глаза заволакивала туманная пелена, пот катился градом по вискам.

Боль разливалась по всей груди.

Он не мог сконцентрировать свои мысли. Ему пришлось прочитать статью четыре раза, пока до него дошел ее смысл. Вот они, симптомы его болезни: «Острая и непрекращающаяся боль в грудной клетке может быть результатом переутомления, пережитой тревоги или предвестником близкой смерти...»

– Милфорд! – хрипло позвал Деймон.

И дальше: «Причиной могут быть также желудочные колики на нервной почве».

Деймон встал на ноги, книга свалилась на пол. Причина не в желудке, желудок находится гораздо ниже, желудок не сжимается такими спазмами под грудиной. Нет, это похоже на смерть. Сердце дает отчаянные сбои, серый тоннель надвигается на него, он не способен думать, дышать, видеть, просто глотнуть воздуха.

Деймон, схватившись за горло, ринулся вперед.

Воздуха!

Тоннель навалился на него.

Очнувшись, он понял, что лежит на полу, а над ним склонилось встревоженное лицо Питера Милфорда.

– Деймон!

Он попробовал сделать глубокий вдох. Боль ушла, словно ее никогда и не было. Его обволакивала тишина.

– Как ты себя чувствуешь?

– Боже... я умер.

– Я, конечно, не Бог, но и ты не умер. – Протянув руку, молодой капеллан помог Деймону сесть и поднес к его губам стакан бренди. – Снова приступ, мой друг?

– Это был не просто приступ. Это был сердечный приступ, – сказал Деймон, отводя волосы с повлажневшего лба.

– Понятно, – терпеливо сказал капеллан. Карие глаза его смотрели из-под шапки белокурых кудрей добро и взволнованно. – Может, послать за врачом?

– Нет, он считает, что я выдумываю, что болезнь лишь в моем воспаленном воображении. – Деймон поднялся на ноги и, привалившись к столу, промокнул лоб платком. Чувство удушья и боли покинуло его вместе с паникой. – Что может понимать в моем состоянии какой-то жалкий мясник!

– Может быть, врач и прав, – возразил Милфорд, не реагируя на сердитый взгляд Деймона. – Я хочу сказать, что ты и в самом деле даешь волю своему воображению.

– Мой отец умер, не дожив трех лет до сорока, моя мать закончила свои дни в лондонском доме для умалишенных. Не говори мне, что мои болезни лишь плод моего воображения!

– Твой отец умер на дуэли с лордом Эйлсбери, Деймон, от пули, пронзившей его грудь. А вот мать, как говорили знавшие ее люди, была вечно напряжена как струна. И что-то в ней надорвалось. То же произойдет и с тобой, если ты не поймешь, как важно для тебя спокойствие. А сейчас, ради бога, садись и расскажи, что за милое создание почти бегом пронеслось по коридору.

Эти слова мгновенно отвлекли Деймона от мыслей о своем здоровье, как на то и рассчитывал мудрый молодой капеллан.

– Милое создание. Ты так называешь эту новоявленную мегеру?

Питер возразил:

– Наши мнения расходятся. Как всегда.

– Это «милое создание» могло бы привести британскую армию к победе под Аустерлицем, – свирепо сказал Деймон. – Эта проклятая ведьма чуть не лишила меня мужских достоинств. Будет просто чудом, если у меня после этого появится ребенок.

– Ну что ж, поскольку ты не собираешься жениться и произвести наследника, то я не вижу в этом беды, – спокойноотреагировал Питер на слова капитана, игнорируя его свирепый взгляд. Он нагнулся, поднял с пола справочник Петерсона и, положив его на стол, спросил: – Кстати, кто она?

– Леди Гвинет Эванс-Симмс.

После некоторой паузы капеллан кивнул:

– Ясно.

– Это что-то объясняет?

– Вполне.

Деймон наполнил бокал и стал расхаживать по каюте.

– Очевидно, она решила, что плавучие тюрьмы – это преступление против человечности, что их следует реформировать и что нужно непременно начать с нашей.

– Не могу сказать, что я ее за это осуждаю. Я давно считаю, что британская практика содержания заключенных на грязных и вонючих судах – это то, что Господь должен оплакивать.

– Я знаю. По-твоему, почему я уже предпринял шаги для исправления положения?

– Предпринял шаги? – недоверчиво переспросил капеллан и покачал головой. – Будь честным с самим собой, Деймон. И со мной тоже. Твои так называемые шаги продиктованы отнюдь не заботой и сочувствием к заключенным, а лишь желанием отомстить Болтону и флоту, которые, по твоему разумению, предали тебя.

– Флот действительно предал меня. А что касается заключенных и моих действий, то важен конечный результат, не зависимо от моих побуждений.

– Чепуха, Деймон, и ты это знаешь сам.

– Ради бога, избавь меня от своих проповедей, Питер. Ведь сегодня даже не воскресенье.

– Я вижу, что задел тебя за живое и достал до самого сердца.

– Ты знаешь меня достаточно близко и должен знать, что у меня нет такого органа.

Питер подошел к двери и, подавляя подступающий гнев, казал:

– Да простит тебя Бог, Деймон...

– Погоди.

Держа руку на дверной защелке, капеллан остановился.

– Я не хочу, чтобы эта назойливая ведьма совала всюду нос на моем судне, – пробормотал Деймон, разглядывая содержимое бокала.

Питер повернулся и прислонился к двери, глядя на Деймона, который нервно водил пальцем по краю бокала.

– Понятно.

Деймон поднял глаза, во взгляде его читался вызов.

– Это и все, что ты можешь мне сказать?

– Нет, не все. Но то, что я должен сказать, совсем не то, что ты хотел бы услышать.

– Раньше тебя это не останавливало.

– Верно. – Губы Питера сложились в улыбку. – Ты говоришь, что не желаешь, чтобы эта «назойливая ведьма» вмешивалась в дела на судне. Но я думаю, что ее вмешательство ограничится тем, что она разбередит тебе сердце.

– Ну да, ты думаешь, что именно она довела меня до состояния, в котором ты меня застал несколько минут назад?

– Нет. – Капеллан улыбнулся, в глазах засветились лукавые огоньки. – Я вкладываю в это романтический смысл.

Маркиз поднял глаза. Питер Милфорд знал в своей жизни многих людей, но никто другой, кроме Морнингхолла, не мог выразить свои чувства всего лишь неуловимым движением света и тени в глазах. Питер успел заметить мелькнувшее в синевато-серой глубине раздражение, тут же сменившееся выражением скуки.

– Мне никогда не нравились подобные особы. Я предпочитаю женщин изящных, хорошо воспитанных, с приятными манерами...

– Шлюх...

– Черт побери, Питер! Если бы не твой духовный сан, я бы знал, куда тебя послать.

– Верно. А если бы ты не был упрямым маркизом, я бы знал, куда послать тебя. Ну да я все же тебе скажу...

– Не желаю слушать. И к тому же я осуждаю не то, что эта валлийка ведет дознание, а ее своеволие. Каким бы незначительным начальником я ни был, но начальник здесь все-таки я, и поэтому не позволю, чтобы кто-то указывал, что именно мне нужно делать.

– Демон, – на лице капеллана появилась грустная улыбка, – когда ты осознаешь, что Господь создал тебя не для этой службы? Ты был бы гораздо счастливее, если бы оставил флот, обзавелся женой и выполнял свои обязанности в Морнингхолле.

– Я не собираюсь оставлять флот. Мне нужно свести счеты с этими прохвостами. Кроме того, я не намерен жениться, а Морнингхолл – это то место на земле, куда мне меньше всего хочется отправиться.

– Продолжу свою мысль, – сказал Питер, как если бы он не слышал последних слов Демона, – адмирал Болтон ненавидит тебя за то, что ты убил его сына на дуэли, и он не успокоится, пока не сломает тебя. Кроме того, ты никогда не умел

беспрекословно подчиниться приказу, не признаешь никаких авторитетов, кроме собственного, и у тебя нет никакой надежды чего-либо добиться на службе. Ради бога, Деймон, вспомни, что ты маркиз Морнингхолл. Вернись домой. Ты не вписываешься в твое нынешнее окружение.

Деймон повернулся к окну, сцепив за спиной руки.

- Мне почему-то кажется, что я все это уже слышал раньше, - вздохнул он.

- Прости, если это тебя утомляет.

- Если я отправлюсь домой, это утомит меня еще больше.

- Если ты вернешься домой, ты сможешь гораздо лучше распорядиться своими способностями, чем здесь.

- всю эту чушь я уже слышал от леди Симмс. Мне ни к чему выслушивать все это теперь и от тебя.

- Ага, ты снова вернулся к леди Симмс. Она застряла у тебя в голове, не правда ли?

- Предупреждаю тебя, Питер, у меня и без того дурное настроение. Не дави на меня.

- Хорошо. Может быть, тебя это больше заинтересует. - Капеллан поднял со стола газету, которую он в спешке бросил, когда вошел в каюту, и протянул ее Деймону, с некоторым недоумением наблюдавшему за его действиями. - Прочитай заголовки на первой полосе.

Деймон с подозрением посмотрел на Питера, взял газету и стал читать. Лицо его нахмурилось, черные брови сошлись в одну линию, окаймленные густыми ресницами глаза заскользили по заголовкам.

«Мститель в маске застает судно „Суррей“ врасплох».

Он опустил газету и холодно сказал:

– Ага, я понимаю. Ты принес это, чтобы еще сильнее разозлить меня. И тебе не стыдно, Питер? Я считал тебя своим другом.

– У тебя нет друзей, как ты сам заявляешь. Читай дальше.

Стрельнув на Питера сердитым взглядом, Деймон возобновил чтение.

«Командование военно-морского флота в Портсмуте считает, что таинственный человек в маске, возглавивший побег нескольких военнопленных, – не кто иной, как убежавший ранее капитан Коннор Меррик».

Резким движением Деймон вернул газету Милфорду.

– Я не желаю читать об этом, думать об этом. У меня достаточно других проблем.

Питер вздохнул и, свернув газету, сунул ее под мышку.

– Да, конечно, Деймон. – Он повернулся, собираясь уйти. – Если твоя кончина откладывается, то я вернусь к другим своим обязанностям.

– Да, я позову тебя, как только увижу старуху-смерть, которая придет с косой по мою душу. Хотя подозреваю, что сопровождающий ее ангел вряд ли будет в белом.

– Ты слишком суров к себе, мой друг. Ты можешь сам себя ненавидеть, но уверяю тебя, что Господь не питает к тебе ненависти.

Лицо маркиза стало задумчивым и печальным, он молча смотрел на бухту, сжимая и разжимая пальцы.

– Кстати, Деймон. Ты должен знать, что гардемарин Оуэнс в последнее время бывает слишком груб с заключенными. Я бы поговорил с ним, но...

Деймон закрыл глаза.

– Да, Питер. Я займусь этим.

Леди Гвинет Эванс-Симмс громко постучала по крыше кареты, и экипаж остановился перед небольшим домом, который она снимала в Портсмуте вместе со своей сестрой Рианнон.

Она все еще кипела от гнева после встречи с этим невыносимым лордом Морнингхоллом. Его грубость, бестактные реплики и, хуже того, его прикосновения были свежи в памяти. Она, кажется, до сих пор чувствовала, как его рука скользит по ее телу, ощущала вкус его жаркого, дерзкого поцелуя, запах сандалового дерева, видела перед собой его глаза.

О, эти глаза!

Слуга помог ей выйти из кареты, и, подобрав юбки, Гвинет быстрым шагом устремилась мимо клумбы с нарциссами к входной двери.

Рианнон сидела в гостиной с книгой на коленях, у ее ног свернулся старый пес Матти. При появлении Гвинет сестра и пес одновременно подняли головы.

– Ну и как?

– Мне нужно выпить, Рианнон. Чего-нибудь покрепче.

– Настолько все плохо?

– Этот человек – невероятный грубиян и хам!

– Ну а разве ты могла ожидать чего-то другого, Гвин? Ведь он управляет плавучей тюрьмой. Увы, нам приходится иметь дело с такими людьми.

– Ни за какие деньги не стала бы иметь никакого дела с этим типом! – в сердцах сказала Гвинет. Появилась горничная с подносом, на котором стояла бутылка виски, рядом – бокалы. – Он прямо-таки отвратителен! Он ужасен!

– Я слышала, что он дьявольски красив.

– Это тщеславное, грубое и надменное чудовище!

Гвинет взяла бокал и трясущимися руками налила себе виски. Она буквально рухнула на диван и опрокинула содержимое бокала в рот. Жидкость обожгла горло. Уголкем глаза Гвинет видела Рианнон, та сидела чуть склонив голову и смотрела на сестру своими зелеными ясными глазами.

– Как же он выглядит?

– Ты еще спрашиваешь!

– И все же?

Гвинет издала продолжительный вздох, как бы смиряясь и давая понять, что перед ней стоит весьма трудная задача.

– Волосы у него цвета черного кофе, густые и блестящие, слегка вьющиеся, он зачесывает их назад. Стрижка более длинная, чем это сейчас в моде, но тем не менее он выглядит...

– Привлекательным?

Гвинет устремила невидящий взгляд в пламя камина.

– Он великолепен, Рианнон.

Рианнон встала.

– Продолжай!

– У него такие широкие плечи... Он похож на греческую статую, в которую вдохнули жизнь. Но в нем нет тепла. Он словно из камня, хотя и живой.

– О-о! В таком случае она очень опасный человек!

– Да, опасный. Руки у него элегантны, ногти ухоженные, пальцы... длинные и чувствительные, как у музыканта или художника...

– Продолжай, Гвин!

– Он высок. Не менее шести футов. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– А какие у него губы?

– Чувственные.

– А нос?

– Типично аристократический.

– Характер?

– Ужасный! – Гвинет потерла пальцами бровь. – Но его глаза, Рианнон, ни с чем не сравнимы, они потрясающи и незабываемы. Когда он посмотрел на меня, я почувствовала, что он способен прочесть все мои мысли, увидеть, что творится в моей душе, и что он понял, какое действие оказывает на меня. У меня колени едва не подогнулись от его взгляда. Было такое впечатление, что он – заклинатель, а я – змея. – Она передернула плечами и посмотрела на сестру: – У него глаза дьявола, Риа.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов.

– Он внушает мне страх, Риа. Я не привыкла чувствовать себя испуганной. Я... я н-не вполне уверена, каким образом мне относиться к этим моим ощущениям и как мне вести себя с Морнингхоллом.

– Ну что ж... – Рианнон поджала губы и нахмурилась.

Однако в ее глазах, кроме сочувствия и беспокойства, светилось также возбуждение. Она импульсивно протянула руку и дотронулась до колена сестры.

– Ты рассуждай таким образом, Гвин. Ты все жаловалась, что у тебя не было настоящего, большого дела после смерти Уильяма.

Гвинет сделала глоток виски и снова с обреченным видом уставилась в камин.

– Он поцеловал меня, Рианнон.

Рианнон резко выпрямилась в кресле.

– Вот как?

– Он использовал все мужские хитрости, которые идут в ход, чтобы отделаться от женщины: сначала грубость, потом – угрозы, а когда это не сработало, перешел к заигрыванию.

– Ты, конечно, поставила его на место!

– Разумеется!

Рианнон наклонилась вперед, уперлась локтями в колени, лицо ее вспыхнуло от возбуждения. Судя по всему, она все же надеялась на то, что Гвинет не устояла перед чарами лорда. Даже Матти заинтересованно поднял свою благородную голову.

– И что же ты сделала?

– Я ударила его коленом в пах, – беззаботным тоном сказала Гвинет. Затем посмотрела на сестру, и они обе рассмеялись.

– Не может быть!

– Представь себе, что так и было! – Гвинет поставила на стол бокал, чтобы не расплескать его содержимое. – Ах, Рианнон, ты совершенно права! Моя жизнь стала бесцельной и томительной после смерти Уильяма. Возможно, именно это мне и нужно, чтобы во мне пробудился интерес к окружающему. Трудно придумать что-нибудь более серьезное, чем попытка исправить положение в этих кошмарных плавучих тюрьмах, да к тому же еще свести с ума лорда Морнингхолла.

– Если кто и способен свести мужчину с ума, то это ты, Гвин.

– Да и ты в этом не уступишь, сестренка.

Сестры засмеялись.

– И что ты намерена учинить его светлости? – рискнула задать вопрос Рианнон.

– Я намерена превратить его жизнь в ад. И вот как я собираюсь это сделать...

Глава 4

На следующее утро маркиз Морнингхолл стоял перед зеркалом и брился, когда в каюту вошел юнга Билли с подносом. На подносе был завтрак Деймона и стояла ваза с нарциссами. Юнга робко улыбнулся.

– Ваш завтрак, милорд.

Деймон повернул шею и, не спуская глаз со своего отражения, провел бритвой по кадыку.

– Знаю, болван. Совсем ни к чему во всеуслышание объявлять об этом, словно ты дворецкий в каком-нибудь великосветском доме в Англии. Поставь этот чертов поднос на стол и продолжай заниматься своими делами.

Он повернул голову так, чтобы было удобнее добраться бритвой до впадины под кадыком, стараясь не смотреть на мальчишку. Однако юнга не уходил. Демон подвинулся таким образом, чтобы увидеть в зеркале щуплую фигурку. Улыбка юнца погасла, он часто нервно сглатывал, а в его огромных, как блюдца, глазах блестели слезы.

Демона внезапно пронзило острое чувство вины, тут же сменившееся гневом.

– Проклятье, убирайся прочь!

Поднос со стуком опустился на стол, и Билли выбежал из каюты. Головки нарциссов покачивались от удара. Демон смотрел на них, сжимая в руке бритву. Черт бы побрал этого мальчишку! Распустил нюни, несчастный! Всегда пытается сделать что-нибудь приятное, привнести какую-нибудь красоту в этот мир, в котором нет ничего путного, так что напрасно бедняга старается.

Все еще пребывая в раздражении, Демон вновь переключил внимание на свое отражение в зеркале и закончил наконец бритье. Сдернув полотенце с шеи, он вытер лицо, бросил полотенце в таз и провел пальцами по нескольким мелким порезам, которых, как правило, нельзя избежать. Не следовало объяснять его дурное настроение нынешней бессонной ночью. Он пребывал в подобном состоянии духа каждое утро, поскольку наступавшие за утренними часами дни ничего приятного не сулили. Однако даже не очень убедительное объяснение все же лучше, чем ничего. А сейчас ему требовалась ссылка на какую-нибудь причину, иначе обиженные глаза мальчишки будут стоять перед ним и терзать его целый день.

Как ни пытался Демон заставить себя забыть об искаженном обидой лице мальчика, он знал, что причиной его дурного настроения был не Билли.

Во всем виновата эта дуреха – леди Гвинет Эванс-Симмс. Он потрогал пальцем крохотный порез над самым кадыком и увидел в зеркале, как льдинки заблестели в его глазах. Эта ведьма не удовлетворилась тем, что нанесла ему свой совершенно нежелательный визит вчера. Она не успокоилась тем, что ввергла его в состояние гнева, пообещав превратить его жизнь в ад; ей оказалось мало оскорбить его напоминанием о его неудачах. Она к тому же посыпала ему соль на раны, явившись к нему в одном из самых эротических снов, искушая его своим розовым ртом, сверкающими глазами и телом, которым

он отчаянно хотел обладать. И в приступе похоти и ярости он в этом сне швырнул ее на палубу, на тот коврик, который сейчас находился рядом, и овладел ею. У него начинала стучать кровь даже при воспоминании об этом. Чопорная и элегантная леди Симмс лежала на его коврике, словно обыкновенная шлюха, стонала и просила, чтобы он взял ее...

Просила...

Он медленно оторвал от горла пальцы. В зеркале глаза его казались пустыми, лишенными всякого выражения, однако они потемнели, что означало: им снова овладевает гнев. Черные брови его оставались неподвижными, на лбу не обозначилось ни морщинки, рот казался высеченным из льда. Мужчина, который смотрел на него, был невозмутим, элегантен, холоден, лишен всяких эмоций, душевных переживаний и угрызений совести. Деймон приподнял подбородок и потрогал пальцем маленький порез. Как бы он хотел поставить эту воительницу на место!

Глаза его вспыхнули недобрым светом. Прямо здесь и прямо сейчас.

Деймон почувствовал, что его заполняет гнев, подобно тому как расплавленная лава заливают все пути. Его пальцы сжались в кулаки, и он уловил в зеркале, как демонически сверкнули его глаза. Не в силах более смотреть на это злое лицо, он резко повернулся на пятках и дернул к себе стул. Злость клокотала у него в груди, подступала к горлу, стучала в висках и с каждой секундой становилась все сильнее. Перед его глазами проплывали сцены: коммодор Джулиан Лорд в зените славы, приветствуемый тысячами почитателей, – и он, Деймон, на мгновение познавший славу, но быстро ее потерявший; его первый, уранического склада капитан, который лупил его по заднице до тех пор, пока Деймон не поборол страха высоты и не научился взбираться на мачту; а затем перед взором возник Адам Болтон, которого продвинули в ущерб его карьере потому, что тот был сыном адмирала; этот мерзавец постоянно стоял на его пути, затем затеял с Деймоном драку, которая кончилась дуэлью, и теперь отец Адама Болтона мстит ему за смерть сына, лишив его возможности стать фигурой на флоте. Мать, швыряющая в него винную бутылку, унижение, испытанное в Оксфорде, эта чертова плавучая тюрьма и вот теперь – насмешки леди Гвинет Эванс-Симмс.

Надо успокоиться! Деймон прижал ладони к вискам и посмотрел на поднос с завтраком: тосты, с военной аккуратностью уложенные на маленьком

металлическом поддоне, кусочки масла на крохотном блюдечке, нож, вилка и ложка, завернутые в белую хрустящую салфетку, крепкий черный кофе в фарфоровой чашке, эмалированные розетки с мармеладом и джемом – все так чинно, изысканно. Господи, как хочется все это смахнуть, разбить! И над всем этим – тошнотворный запах смерти и болезней, распространяющийся со всего судна...

Что-то взорвалось у него внутри. С нечеловеческим воплем Деймон стукнул кулаком по столу и смахнул рукой с подноса все-все эти дурацкие блюда, розетки, чашки и даже нарциссы – такие красивые, дразняще веселые и солнечные, когда весь мир так мрачен. Фарфоровая чашка разлетелась на тысячи брызг. Разлился кофе, разлетелись тосты, нарциссы рассыпались по коврику, слабо шевельнули лепестками – и замерли. И валялись на полу смятые и словно обиженные. Деймон уперся локтями в стол и обхватил руками голову, пытаясь обуздать вспышку безумной ярости.

Затем, когда в каюту влетел Билли и в смятении замер, оцепенев от учиненного разгрома, Деймон встал, наступив подошвами на цветы, и быстро вышел из каюты.

В тот самый момент, когда кулак лорда Морнингхолла сокрушал хрупкую посуду на подносе, человек, которого называли Черным Волком, вывел свою шхуну из защищенной скалами бухточки и направил ее в открытое море.

Коннор Меррик происходил из семьи, члены которой во времена всевозможных смут чувствовали себя как рыба в воде. Его отец, капитан Брендан Джей Меррик, занимался каперством во время американской войны за независимость, а сейчас владел успешно функционирующей верфью в партнерстве с дядей Коннора – Мэтью Эштоном, который имел репутацию горячей головы. Мать Коннора – Майра Меррик – руководила школой мастерства судовождения, а во время войны была несносным сорванцом. Выдавая себя за мальчишку, стала первоклассным командором на шхуне «Пустельга». Дед Коннора Эфраим, корабел по профессии, отличался скандальным и непредсказуемым характером. Его сестра Мейв убежала из дома, когда ей было шестнадцать лет, и в течение семи лет, возглавив пиратскую шайку, терроризировала острова Вест-Индии, пока британский адмирал Фальконер, влюбившись в нее, не пресек ее несправедную деятельность с помощью обручального кольца.

Все возвращается на круги своя. Почти пятнадцать лет назад Мейв украла «Пустельгу» у своего отца, а теперь Коннор, недавно сбежавший из плавучей тюрьмы «Суррей», украл ее у Мейв.

В это ясное весеннее утро он стоял у румпеля, глядя на удаляющееся южное побережье Англии. Он дождался, пока паруса шхуны наполнились ветром и судно набрало ход. Затем, передав штурвал одному из членов команды, он прислонился к лафету, поднес чашку с холодным кофе к губам и перечитал записку от его преподобия Питера Милфорда, с которым он имел контакт на борту плавучей тюрьмы «Суррей». Пробежав листок глазами, он смял его и бросил через плечо в море. Насвистывая, он наблюдал за тем, как его команда управлялась с парусами.

Лейтенант Орла О'Шонесси, притворяясь, что поглощена свертыванием троса в бухту, наблюдала за ним с расстояния нескольких футов. Ирландка по происхождению, невысокого роста, с черными волосами и задумчивыми голубыми глазами, она давно и верно служила семье Мерриков. В юности она была горничной Мейв. Позже, когда Мейв сбежала из дома, став королевой пиратов, Орла, не покинув ее, пользовалась большим авторитетом у женщин-пиратов. А сейчас она оказалась вовлеченной в новую авантюру другим Мерриком. Она хорошо знала и Коннора, и Мейв. Знала также, что Коннор видит в ней всего лишь друга, но сердце ее всякий раз начинало колотиться, когда он оказывался рядом.

Высокий и длинноногий, как и его красавец отец, с такой же непринужденной улыбкой и тем же обаянием, Коннор мог тронуть сердце любой женщины. Семь месяцев ада на борту плавучей тюрьмы «Суррей» не смогли убить эту его неотразимую улыбку. Его экзотический костюм состоял из свободной белой рубашки, расстегнутой у горла, и куска черной материи, свободно болтающегося на ногах, который мог сойти за штаны и давал возможность увидеть, что на его костях осталось больше плоти, чем можно было предположить, учитывая скудный рацион военнопленных.

«Прости меня, Господи», – подумала Орла, вдруг заливаясь горячей краской смущения. Мысли о его теле отнюдь не способствовали восстановлению ее душевного равновесия.

Она заставила себя отвернуться, ее взгляд остановился на скомканном листке бумаги, который превратился сейчас в белую точку за бортом, а затем и вовсе

исчез из поля зрения. Коннор направился к люку. Шаг у него был широкий и уверенный. Орла подняла на него глаза.

– Еще один побег, Кон? – решила спросить она, отставляя в сторону аккуратно смотанную бухту.

Коннор остановился возле нее и прислонился к планширу. Он был опасно, соблазнительно близко. Все же выглядел он неважно – бледный и похудевший, однако невзгоды плавучего ада не ожесточили и не сломили его, как это могло произойти со многими. Впрочем, неудивительно, ведь он от корня Мерриков, с восхищением подумала Орла. Меррики не ломаются, они лишь пригибаются, как молодые деревца в бурю, приспосабливаются к ситуации, становясь лишь сильнее назло своим противникам.

– Действительно, еще один побег. Завтра в полночь Черный Волк снова нанесет удар. – Он закрыл глаза, поднял лицо к небу и замер, наслаждаясь веселой игрой ветра с оттяжками и вантами – убаюкивающим ходом шхуны. Легкий бриз развеивал его вьющиеся каштановые волосы. – Боже, это непередаваемо – слышать все эти звуки, стоять под лучами солнца и чувствовать, как ветер снова овеивает твое лицо. Я уж думал, что никогда не выберусь из этой проклятой тюрьмы.

– Если бы твоя сестра знала, что ты там, я уверена, ты был бы на свободе гораздо раньше.

– Откуда же ей знать, она сейчас на Карибах вместе со своим мужем-адмиралом. Хорошо, что он наведалься в Англию в свой отпуск. Редкое везение – после побега обнаружить, что наша славная шхуна «Пустельга» стоит в Портсмутской бухте совсем рядом с флагманским кораблем.

– С этой шхуной у тебя связаны дорогие воспоминания.

– Что верно, то верно, Орла. – Коннор перевел счастливый взгляд вверх на туго наполненный ветром грот. – Помнишь, когда мы были маленькими, отец брал нас на шхуну и учил плавать под парусами? Я обычно сидел вот здесь, возле пушки, когда была очередь Мейи стоять за штурвалом.

– Как я могу это забыть?

Коннор любовно провел рукой по лафету.

– Этой старушке тридцать пять лет, однако она до сих пор бодра и резва. И вообще она бессмертна!

– Сэр Грэхем говорит, что она побывала на всех судоремонтных верфях, – заметила Орла. – Новые паруса, новая оснастка, плотницкие работы, свежая окраска. Адмирал проследил за тем, чтобы сделали все как положено.

– Да, это так, но нельзя забывать о дедушке Эфраиме. Шхуна – это его шедевр. Никто не мог построить судно лучше, чем он.

– Никто, – чуть печально согласилась Орла. Волны с шумом бились о нос шхуны, бегущей вперед.

– Наш славный дедушка небось возликовал, узнав, что его лучшее детище снова брошено против англичан.

Оба замолчали, погружившись в воспоминания об ушедшем от них Эфраиме Меррике. Лишь порывы ветра да шум моря нарушали тишину. Эфраим Меррик до конца дней своих оставался шумным, эксцентричным и ворчливым стариком, он не принимал всерьез болезнь, которая подтачивала его силы, пока однажды не пропал вместе со своим маленьким парусником, на котором отправился в устье реки. Возможно, он не знал о приближении свирепого норд-оста, который пронесся в ту ночь над побережьем. Но скорее всего знал. Через несколько дней обломки его суденышка были выброшены на берег пустынного острова, и больше с тех пор никто не видел старика.

Орла смотрела себе под ноги, ветер развеивал ее черные волосы.

Коннор откашлялся.

– Ладно! – проговорил он, настраивая себя на деловой лад. – Ты готова к этому побегу?

– Да, – ответила она. – Детская игра, Кон. В полночь, как я поняла?

– Да, в полночь. Только не знаю, чем заняться до того.

– Тебе скучно? – поддразнила его Орла, улыбаясь.

– Не то, дорогая Орла. Разве рыба, оказавшаяся в ведре, может испытывать скуку?

– Я думаю, если адмирал узнает, кто украл шхуну его жены, ты не соскучишься.

– Скажешь тоже – шхуна жены! Не забывай, Орла, что Мейв тоже увела ее у нашего отца, и хотя мы все ее любим, ей не были дарованы эксклюзивные права на «Пустельгу»! Она в свое время попользовалась ею. Теперь настала моя очередь. Кроме того, мой отец проектировал «Пустельгу» как военный корабль, а не тренировочное судно для отпрысков Мейв. – Коннор скосил глаза на Орлу, и от его лукавой улыбки у нее заколотилось сердце. – У тебя, надеюсь, нет тайной мысли оставить Мейв и уехать со мной?

– Ну ты и шутник, Коннор! – Орла засмеялась и, потупясь, зашаркала ногой по шву палубы, надеясь, что он не заметил желания, промелькнувшего в ее взгляде. – Хотя я и довольна, что твоя сестра и адмирал Фальконер обрели семейное счастье, я должна признаться, что в моей жизни исчезли острые ощущения после того, как он заставил нас оставить пиратство. Я не испытывала ничего подобного вот уже несколько лет.

– Как и наша славная «Пустельга»! – Коннор выпрямился. – Ладно, я пошел, – сказал он, продолжая поигрывать чашкой из-под кофе. – Крикнешь, если понадобится.

Орла проследила за тем, как его темная голова скрылась в комингсе. Улыбка погасла, на сердце стало тоскливо. Возможно, если бы он знал ее не столь долго, все было бы иначе. Не знай он вообще о ее пресловутом прошлом, он бы проявил к ней интерес. Да еще если бы вокруг ее глаз не появилась сеть морщинок, не проблескивали бы в черноте волос белые паутинки... Но ей уже было под тридцать, пик расцвета позади, и Орла в глубине души понимала, что Коннор Меррик не склонен считать ее привлекательной и уделять ей внимания больше, чем любому другому человеку из своего окружения.

А она так мечтала... иметь все то, что было у Мейв. Что имели теперь все бывшие пираты – члены команды славной «Пустельги».

У нее была короткая связь с кузеном Мейв – капитаном Колином Лордом, но вот произошло кораблекрушение – и после этого она осталась одна. Вот уже восемь лет, как ее семьей стало семейство Фальконеров. Может быть, она осталась с ними и потому, что многие предрекали: вряд ли неистовая королева пиратов останется с сэром Грэхемом более года, и Орла хотела убедиться, что у молодоженов все складывается нормально. Более того, Мейв стала прямо-таки образцовой, если не сказать идеальной, и самоотверженной адмиральской женой. Очевидно, все свои лидерские способности она перенесла в спальню. И в результате появился выводок из трех детей. Шли годы, и поскольку Мейв определенно перешла к оседлой жизни, для Орлы ее существование стало бессмысленно-скучным. Она тосковала о тех днях, когда команда женщин-пиратов шхуны «Пустельга» контролировала Карибское море. У нее сжималось все внутри, когда она видела пару влюбленных, которые сжимали в порыве нежности руки и заглядывали друг другу в глаза. И уж совсем мучительно было ей видеть супругов с малышом. В жизни ей явно чего-то не хватало. Орла стала молиться, чего она долгое время вообще не делала. Она и сама не знала, о чем она посылает мольбу Богу. Однажды сэр Грэхем объявил, что у него есть дела в Лондоне и настала пора оставить Вест-Индию, на какое-то время отправившись в родные края. Путешествие через океан было томительно-скучным, как и погода. Дни тянулись монотонно и однообразно. Наконец флагманский корабль, который сопровождала шхуна Мейв, бросил якорь в Портсмуте, и Орла познакомилась с родственниками Фальконера. Чужие ей люди. Она вынуждена была улыбаться им, хотя общение с ними – сущая тоска. Она предпочла остаться на борту «Пустельги». Портсмут – это куда интереснее, думала она.

Так оно и оказалось.

Орла мерила шагами затемненную палубу, когда заметила четверых мужчин, карабкающихся на борт шхуны. Не растерявшая своих прежних навыков, Орла достойно встретила незваных гостей; когда беглецы достигли цели, они обнаружили, что на них смотрит дуло короткоствольного ружья с раструбом. И кто бы мог подумать, что одним из четверки окажется друг ее детства проказник Коннор Меррик?

О да, ее молитвы были услышаны и правильно поняты. Она хотела острых ощущений – и с божьей помощью она их получила.

Орла, взглянув на море, вздохнула. Мейв придет в ярость, если узнает, что ее шхуна исчезла, а ее муж, адмирал, наверняка выйдет в море, чтобы задержать похитителей, даже раньше, чем это попытается сделать его жена.

Только Коннор Меррик отнюдь не намерен возвращать судно.

Орла выпрямилась и пошла на камбуз – пора позавтракать. Так или иначе, но ясно одно: с Мерриками никогда не соскучишься.

Леди Гвинет Эванс-Симмс не испытывала недостатка идей по части того, как сделать жизнь лорда Морнингхолла адом. И она не была склонна откладывать в долгий ящик осуществление своих планов.

На следующий день после стычки с «князем тьмы» она поднялась на заре и сразу уселась за стол. Матти устроился у ее ног. Гвинет с первыми лучами солнца принялась за составление письма в транспортное управление своему деверю, нынешнему лорду Симмзу. Играя на его несколько завышенном представлении о собственной значимости, она решила использовать особенности его характера, чтобы провести в жизнь свой план – нанести второй, еще более агрессивный, визит на судно «Суррей». К полудню Гвинет написала письмо другу Уильяма и коллеге по парламенту, направила записку в адмиралтейство, а также написала Мейв, леди Фальконер, с которой подружилась два года назад, когда муж Мейв, сэр Грэхем, приезжал по своим делам в Лондон. Гвинет надеялась, что опыт этой американки как мореплавателя, не говоря уж о том, что ее муж был адмиралом и занимал высокое положение в обществе, поможет ей в достижении цели.

За чаем Гвинет рассказала знакомым дамам о кошмарных условиях содержания военнопленных в плавучей тюрьме. Несколько ее потрясенных слушательниц тут же объявили себя членами Женского комитета по наблюдению за содержанием заключенных. Лишь в семь часов она вознаградила себя за нелегкие труды любимым занятием – садовыми работами. Срывая головки отцветших нарциссов, она подумала: вот если бы так же легко можно было свернуть голову этому наглецу.

«Я покажу этому дьяволу, что не шучу, – поклялась она, складывая увядшие цветы в корзину. – Завтра же для него начнется ад».

Гвинет настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как опустились сумерки. На пороге дома появилась Рианнон с книгой в руке. Ей пришлось дважды окликнуть сестру, прежде чем та, разогнувшись, огляделась вокруг, потирая поясницу. Боже, уже и в самом деле поздно. Громко щелкали дрозды, словно зазывая ночь. Небо быстро меняло цвет, превращаясь из розовато-лилового в индиговое. Гвинет увидела силуэт сестры в дверях и виновато улыбнулась:

– Прости, Риа, я не слышала тебя.

– Опять думаешь о лорде Люцифере?

Гвинет усмехнулась:

– Я строю планы его уничтожения.

– Леди Ковингтон тоже говорила мне, что он дьявольски красив.

– Суший дьявол во плоти.

– Мне все хочется узнать, что ты почувствовала, когда он поцеловал тебя? Какие у него губы и действительно ли вспыхивает огонь перед глазами, когда тебя обольщает такой роскошный мужчина?

– Я уже, кажется, говорила тебе, что он меня не обольстил...

– Ну, пусть поцеловал. Как это все-таки было?

– Риа...

Сестра засмеялась и скрестила руки на груди, прижимая к себе книгу. Над головой Гвинет пролетел дрозд и приземлился в кустах; их темная зелень упруго закачала ветвями. Как ей нравились мелодичные трели этих птиц!..

- Ну и как? - повторила свой вопрос Рианнон, озорно сверкая глазами.

- Ты все еще так романтична, Рианнон. Тебе пора бросить читать эти глупые романы и мечтать о рыцарях в блестящих доспехах.

- Это полезно для здоровья - мечтать, Гвин. Вот попробуй.

- Я слишком занята, чтобы предаваться мечтам. А если бы и стала мечтать, то уж, во всяком случае, не о рыцарях в сверкающих доспехах. И уж точно не о лорде Морнингхолле.

- Наружность может быть обманчива, Гвин. Он может оказаться не столь уж плохим.

- Ты только подумай, Рианнон! Он командует плавучей тюрьмой! Ты можешь завтра присоединиться ко мне и собственными глазами увидеть, что за ужасное место это судно! Это позор Британии! Сущий ад для того, чье преступление лишь в том, что он попал в плен, сражаясь на другой стороне.

Гвинет вновь обратила свой взгляд на нарциссы, а Рианнон, постукивая пальцем по корешку книги, внимательно смотрела на сестру. Гвинет постоянно демонстрировала всем и вся свою суровость и решительность, но это не обманывало Рианнон. «Будь сильной, - то и дело советовала ей Гвин, - даже если ты не чувствуешь себя таковой, то обмани, заставь всех поверить, что ты действительно сильна, - и тогда все, чего ты хочешь, появится перед тобой на блюдечке с голубой каемочкой».

Гвинет для себя хорошо усвоила эту истину.

Она вновь опустилась на колени, держа в руке лопату и корзинку.

- Еще пять минуток, - сказала она, возясь с нарциссами. - Ты не дожидайся меня, а то твой чай остынет.

Однако Рианнон не пошевелилась. Она задумчиво смотрела на сестру. Смотрела и вспоминала, как Гвинет, самая старшая из них троих, пошла работать в местный паб после смерти матери и отца, чтобы Риа и малыш Морганна не

голодали. Гвинет никогда не жаловалась на трудности и не отлынивала от самой изнурительной работы. Ей приходилось постоянно давать отпор приставаниям хозяев и уклоняться от их недвусмысленных предложений, а после работы она молча страдала в своей крохотной комнатенке. Даже сейчас Рианнон испытывает чувство вины, вспоминая, как Гвинет делила еду между всеми. Сколько раз бедняжка Гвинет отправлялась спать без ужина, беспокоясь об одном – как бы не остались голодными ее сестры! Проглотив внезапно подступивший к горлу ком, Рианнон наблюдала, как сестра складывает растения в корзину, как двигаются при этом ее изящные плечи. Неудивительно, что Гвинет так остро чувствовала, так близко к сердцу принимала страдания бедных и обездоленных: не так-то легко забыть свое собственное тяжелое прошлое. А затем в их жизнь вошел лорд Симмз. Пожилой добропорядочный вдовец, направляясь навестить друга в Кардифф, с несколькими знакомыми зашел в паб перекусить. Не было ничего удивительного в том, что он заметил миловидную блондинку, что был очарован красотой и умом девушки, которая выделялась на фоне заурядности и пошлости. Граф остался в этом городке надолго, а затем последовало предложение выйти за него замуж. Гвинет согласилась не сразу, но случилось так, что паб сгорел, работу она потеряла, и после повторного предложения Гвинет вынуждена была его принять – надо было содержать сестер.

Рианнон знала, какую жертву принесла ради них Гвинет.

Одна знала, как плакала Гвинет за запертой дверью в тот вечер, когда решила выйти замуж за старика.

Сейчас Рианнон смотрела на сестру, склонившуюся над цветами, на ее простенькое платье, подол которого касался земли. Но даже с перепачканными землей руками, с растрепавшимися и рассыпавшимися по шее волосами она ухитрялась выглядеть царственно. Может, лорду Симмзу не удалось сделать из нее женщину, но ему удалось превратить умную деревенскую девчушку в леди. Гвинет по-своему любила этого немолодого человека, он же искренне ею гордился.

Последний дрозд улетел, и в саду стало тихо. Слышно было лишь, как Гвинет скребла лопатой. Оставив сестру наедине с ее цветами, Рианнон бесшумно вошла в дом.

Глава 5

В той части плавучей тюрьмы «Суррей», куда не проникают солнечный свет, свежий ветер и даже не долетают крики чаек, сидели двое.

Натан Эштон и его младший брат Тоби, американцы, совершили одноединственное преступление – оказались в неподходящее время в неподходящем месте: один в качестве лейтенанта, второй в качестве гардемарина – на новом сорокачетырехпушечном фрегате «Мерримак» под командованием капитана Коннора Меррика, где пережили несколько захватывающих приключений, пока не попали в плен к британцам. «Мерримак» сражался храбро, но затонул раньше, чем британцы успели приобщить его к королевскому флоту; а вот с людьми судьба обошлась менее благосклонно. Им был дан выбор: либо поступить на королевский флот, либо очутиться в одной из плавучих тюрем. Патриотически настроенные американцы выбрали второе.

Таковыми уж они были, граждане своей молодой страны. Наивными и честными людьми.

Сейчас, по истечении трех месяцев, они еще более укрепились в своем патриотизме. А что до наивности, то от нее у них не осталось и следа, едва они ступили на борт плавучей тюрьмы.

То были поистине месяцы кошмара, сравнимые с ужасом преисподней, размышлял тридцатилетний Натан, сидя при свете смердящего фитилька, смоченного в жире, сэкономленном на обеде, – фитилек был опущен в раковину устрицы. Один из узников сверлил ножом отверстие в корпусе судна. Шум от этой работы расслышать было невозможно, потому что вверху заключенные скребли и драили песком палубу. Глубина отверстия достигла девяти дюймов, когда нож прошел насквозь – Натан наконец был вознагражден за свои труды, увидев лучик дневного света. Он приложил нос к отверстию диаметром с монету и знаком предложил своему младшему брату последовать его примеру.

Бледный и истощенный, постоянно недоедающий, страдающий от холода Тоби подполз к дырке, подставил лицо и стал жадно вдыхать свежий воздух. Он закрыл глаза, и по его веснушчатым щекам покатились слезы. Нижние края треснувших очков замутились от влаги.

– Ах, Натан, я не испытывал ничего более приятного с того времени, как затонул «Мерримак». – Он отстранился от дырки, в карих глазах его светилась радость.

Натан сглотнул подступивший к горлу ком. Тоби, самый младший из братьев в семье Эштонов, родился поздно и никогда не отличался крепким здоровьем. Он собирался стать адвокатом или врачом, а на судно своего кузена Коннора пришел по контракту лишь потому, что был уроженцем Новой Англии, их отец поступил как патриот в первой войне, и Тоби счел своим долгом уйти на морскую службу. Однако тяготы военной жизни оказались слишком тяжелы для тринадцатилетнего мальчишки, а жизнь на борту плавучей тюрьмы доконала его окончательно.

Натан положил руку на костлявое плечо Тоби.

– Не переживай, братишка. Скоро мы выберемся отсюда и вернемся домой.

– Мне холодно, Натан.

– Я знаю. Мне тоже.

– И хочется есть.

Приблизив лицо к дыре, Натан стал выгребать опилки. Локтем он показал на оловянную миску позади.

– Ну так ешь, Тоби. Я знаю, это не всякая собака станет есть, но они кормить нас лучше не собираются. Если не будешь есть, ты совсем ослабнешь.

Хлюпая носом и отчаянно пытаясь сдерживать всхлипы, Тоби подтянул к себе миску. Ломти превратившегося в камень хлеба и кусок тухлого, с червями, мяса есть было невозможно. Он наклонил голову, отчего его рыжие когда-то, а теперь пегие от грязи волосы упали на глаза, и принялся выковыривать червей, складывая их рядом на полу.

– Должно быть, я умру здесь, – тихо сказал мальчик.

– Ты говоришь черт знает что! Не смей болтать, ты пугаешь меня.

– Они охраняют нас строже, чем французов, – пробормотал Тоби, разглядывая хлеб и пытаясь сломанным ногтем вытащить извивающегося червяка. – Почему, Натан?

– Потому что мы – американцы, братишка. Ты только посмотри на этих французишек. Они готовы все свое время посвятить азартным играм и дракам. Держись от них подальше, чтобы они не приобщили тебя к своим порокам. А ты видел, чтобы кто-то из нас, янки, тратил содержимое нашего кошелька на такую чушь? Нет! Мы свою энергию направляем на то, чтобы убежать. Потому-то британцы и стерегут нас так строго.

– Вот бы нам смыться отсюда, как это сделал Коннор!

– Он вернется за нами, Тоби. Он нас не бросит, обещаю тебе. Но в нужную минуту необходимо быть готовыми.

Тоби примолк, думая о храбром симпатичном кузене, который даже в этих каторжных условиях умел развеселить людей. Именно Коннор научил его, как можно подружиться с крысами. Именно Коннор мог, зажимая нос, есть зараженный долгоносиком хлеб, шутя при этом, что ест «добавочное мясо». Именно Коннор заплатил баснословную сумму в сорок четыре шиллинга в месяц, чтобы все они могли читать «Стейсмен» и быть в курсе новостей. Именно Коннор поддерживал их дух рассказами и воспоминаниями о доме – побуждал думать о будущем.

Тоби сгреб червей и бросил в маленькое ведерко. Когда-то он не мог даже прикоснуться к этой нечисти. Сейчас вид червей больше не ввергал его в ужас, хотя пока еще он не научился есть хлеб с этими тварями. Коннор... Тоби любил своего прагматичного, уравновешенного брата, однако он скучал по кузену. Жизнь стала совсем тоскливой после того, как Коннор совершил побег – из немногих счастливицков. Как-то ночью, примерно месяц назад, как раз перед приходом на судно нового капитана, один из заключенных одолел охранника и прыгнул за борт. По нему открыли огонь из мушкетов. На следующее утро его тело было обнаружено в той части моря, которая обнажается при отливе. Там его застал прилив, и несчастный утонул. Коннор и Натан пытались сделать так, чтобы Тоби не видел утонувшего беглеца, однако по приказу лейтенанта Редли

всех заключенных заставили пройти по палубе и взглянуть на несчастного. Вороны клевали мертвое тело, и Тоби вырвало при виде этого зрелища. Труп не трогали в течение двух дней, только после петиции нескольких заключенных капитан разрешил похоронить бедолагу на берегу.

Это оказалось последним деянием капитана, потому что по возвращении похоронной команды на судне вспыхнул мятеж заключенных, возмущенных столь кощунственным обращением с мертвым. Завязалась потасовка, и один из французов убил капитана ножом в спину.

Новый командир, лорд Морнингхолл, принял плавучую тюрьму неделю спустя.

Тоби ножом пошевелил копошащихся червей, образовав из них большую букву «С». В пяти футах от него приподняла нос крыса, которую Коннор окрестил Полли, и направилась к забракованному Тоби мясу.

– А что, Черный Волк собирается освободить нас? – спросил он.

– Черный Волк не успокоится, пока либо его самого не поймут, либо пока на этом судне не останется ни одного заключенного. Зажги снова фитиль. Видишь, постоянно гаснет в этой сырости.

Тоби отложил нож и зажег фитилек. Затем, завернувшись в обрывки грязной, заскорузлой одежды, он прижался к осклизлой стенке. Натан оглянулся на брата и раздраженно сказал:

– Ешь, Тоби. Ради бога, ешь.

– Я не могу. Это не могу.

Натан закрыл глаза, вознося про себя молитву. Уборка на верхней палубе внезапно прекратилась. Он перестал пилить, боясь, что шум могут услышать.

– Если Морнингхолл обнаружит, что ты делаешь, он посадит тебя в карцер, Натан, – прошептал мальчик, наблюдая за тем, как старший брат сунул в отверстие палец и выгреб оттуда опилки. – Ты ведь не хочешь опять провести десять дней внизу, как тогда, когда посадили тебя и Коннора?

– Морнингхолл не намерен ничего обнаруживать. Ты видел его лицо? Меня больше беспокоит Редли, вот это настоящий сукин сын.

Наверху уборка возобновилась, там теперь не только скребли, но и поливали палубу водой. Натан снова наклонился к отверстию.

– Я уже могу просунуть два пальца, Тоби. К концу недели мы сможем обмазаться жиром и выскользнуть отсюда.

– Я не смогу переплыть это расстояние, Натан. Ты плыви сам.

– Я никуда не поплыву без тебя, и ты это прекрасно знаешь.

– Я дождусь, пока стану сильнее, и тогда тоже смогу поплыть.

– Ты не станешь сильнее, если не будешь есть.

– Я не могу это есть, – с горечью прошептал мальчик. – И поэтому мне придется ждать, пока придет Черный Волк и вызволит меня отсюда. – Он уткнулся носом в рваный рукав, чтобы не чувствовать зловония. По его щеке скатилась крупная слеза. Он молча наблюдал за тем, как улепетывала в угол крыса с его мясом.

Черви извивались на полу.

Какая разница! В темноте крысы и их отыщут.

В эту ночь Гвинет не смогла заснуть. Она лежала на просторной кровати, уставясь в потолок, слушала, как тикают часы. Она думала о Морнингхолле, о его дьявольски красивой фигуре и демоническом лице, о его руках, излучавших огонь, и губах, которые обожгли ее поцелуем. Она вздохнула и перевернулась на спину. Однако Гвинет снова видела перед собой его лицо, его руки. Измученная бессонницей, она поднялась, подошла к окну и, сев на оббитое бархатом кресло, стала смотреть на Портсмутскую бухту. Огни многочисленных кораблей, бросивших в ней якоря, сверкали, словно звезды в полуночном небе.

Она с ужасом подумала о том, что ей суждено увидеть, когда она завтра вновь посетит плавучую тюрьму. А в том, что она поднимется на борт «Суррея», сомнений не было: Ричард, брат Уильяма, нехотя дал ей на то разрешение, хотя транспортное управление не склонно было пускать кого бы то ни было на борт плавучих тюрем. Но она знала, как подойти к Ричарду, и полагала, что сможет справиться и с транспортным управлением.

Больше всего ее беспокоил и притягивал к себе лорд Морнингхолл.

А если быть честной – он пугал ее. Ибо никогда прежде она не испытывала подобного смятения чувств, как в тот момент, когда оказалась в его объятиях.

Гвинет рассеянно отвела в сторону упавшие на лоб волосы. Тиканье часов становилось все невыносимее и, кажется, способно было свести с ума. Гвинет сбросила с себя ночную рубашку, подошла к гардеробу и надела простенькое платье из голубого муслина, сверху накинула индигового цвета накидку, отороченную собольим мехом. Она не боялась выходить из дома одна: с ней были Матти и дамский пистолет, который подарил ей Уильям на ее двадцатилетие, что могло вполне оградить Гвинет от приставаний особо назойливых субъектов. Гвинет зарядила свое оружие, сунула его в ридикюль и, накинув темный плащ, осторожно двинулась к лестнице.

Матти, словно догадываясь о намерениях хозяйки, лежал у двери и помахивал хвостом. Гвинет нагнулась и потрепала пса по спине.

– Прогуляемся, Матти?

Пес мгновенно вскочил, отряхнулся, трясая ушами, – получилось очень громко. Соблюдая осторожность, чтобы не разбудить сестру, Гвинет прицепила поводок к ошейнику, отперла дверь и выскользнула в ночь.

Пропахший морем воздух был прохладным и бодрящим. В нем смешались запахи соли, водорослей и дыма из многочисленных труб стоящих в бухте судов. Гвинет почувствовала озноб и подняла капюшон. Над головой шелестели на ветру листья каштана, высоко в небе среди серебристых облаков скользила луна, освещая каким-то восковым светом заборы вдоль улиц, отражаясь светлыми бликами в металлических поручнях, окнах домов и покрытых черепицей крышах. Улочка, по которой она шла, была узкая и пустынная; дома, казалось, доставали

до неба. Где-то вдалеке залаяли собаки, и если бы Гвинет напрягла слух, она услышала бы голоса пьяных посетителей дешевых таверн, возвращающихся домой.

Она подтянула пса поближе к себе и двинулась дальше. Из рта шел пар, но тело от быстрой ходьбы постепенно согревалось. Она рассчитывала, что прогулка освежит ее, а затем она сможет заснуть. И уж никак Гвинет не собиралась идти до самого порта. Но именно здесь она оказалась и, остановившись, увидела перед собой плавучую тюрьму «Суррей», похожую со стороны на огромный гроб.

Было очень тихо, даже таверны успели к этому часу закрыться.

Чувствуя, что дрожит, Гвинет обхватила себя руками. Матти уселся у ее ног и зевнул. Она нагнулась и потрепала его за уши. Именно в этот момент Гвинет увидела бесшумно скользящую по глади бухты лодочку.

Стараясь ничем не нарушить тишины, Гвинет пристально вглядывалась в темноту. Суденышко было едва различимым, и Гвинет даже не была уверена, что видит его. Однако и Матти, по всей вероятности, заметил его и принялся старательно принюхиваться к запахам, которые нес с моря бриз. А затем тихонько заскулил.

Не было никаких сомнений: лодка двигалась, словно фантом, без плеска весел и скрипа уключин. Гвинет внезапно пришло в голову, что она слишком заметна здесь, на открытом пирсе. Она потянула Матти за поводок:

– Пошли, Матти. Нам пора.

Однако пес уперся, не желая сходить с места и не спуская глаз с движущегося предмета. Лодка скользила между большими фрегатами и военными кораблями, стоящими на якорях лихтерами и невзрачными рыбацкими лодками – бесшумная, никем не замеченная. На ней можно было различить одинокую фигуру в черном. Она почти сливалась с такой же черной водой.

Гвинет в удивлении приподняла брови. Лодка направлялась прямо к плавучей тюрьме. Черный Волк? Да нет же...

Лодка остановилась футах в пятидесяти от кормы плавучей тюрьмы. На борту судна что-то бесшумно задвигалось. Тишину ночи нарушили всплески, а затем Гвинет различила три головы, движущиеся по воде, и тянущиеся за ними следы волн. Человек в лодке помог пловцам подняться в нее и бросил спасенным покрывало. Затем лодка медленно двинулась назад, прокладывая путь среди стоящих на якорях судов, и наконец исчезла в ночной тьме.

Матти оглянулся на хозяйку, которая все еще продолжала смотреть на бухту. Она нервно погладила пса и тихо рассмеялась.

– Ты можешь считать меня неисправимым романтиком, Матти, но мне кажется, что мы только что видели Черного Волка в действии.

Гвинет повернулась – и сдавленно вскрикнула.

На другом конце пирса она увидела высокую неподвижную фигуру человека во всем черном.

Человек отрезал ей путь к отходу. Затем стал медленно приближаться.

Матти оцетинился и предупреждающе зарычал. Гвинет оцепенела. «Привидение» продолжало приближаться, полы черного плаща развевались, обнажая ноги в сапогах. Шляпа человека была низко надвинута на лицо в маске. Матти рванулся вперед, натянув поводок, его грозное рычание перешло в бешеный лай. А фигура продолжала приближаться, становясь все больше и выше, пока не остановилась в каких-нибудь десяти футах.

Оскалив зубы и рыча, Матти прижался к ногам хозяйки.

– Спокойно, – прошептал человек в маске. Собака смолкла.

Взглянув на закрытое темной маской лицо, Гвинет невольно сделала шаг назад.

– Право, миледи, на войне хватает шпионов и без женщин, – продолжил незнакомец.

Гвинет ухватилась рукой за ошейник пса, словно за спасительную нить.

– Кто вы?

– Вы сами меня назвали, моя дорогая. Черный Волк. А кем еще, по-вашему, я могу быть?

– Черный... – Гвинет бросила взгляд на бухту, но маленькой лодки там уже не было видно. – Тогда кто же...

– Один из моих соотечественников, – ответил мужчина. – Не могу же я устраивать все побеги один.

Мужчина подошел поближе. Матти еще теснее прижался к ногам Гвинет, потихоньку ворча. Она сделала еще шаг назад, понимая, что совсем близко вода.

– Право, славная леди, – шепотом проговорил Черный Волк, вгоняя Гвинет в дрожь, – надеюсь, вы умеете плавать. Потому что, видите ли, я одет так, что не смогу спасти вас, а мне чертовски не хотелось бы видеть, как вы тонете.

Гвинет смотрела на него со смешанным чувством обожания, ужаса и любопытства.

Он протянул руку, чтобы увести ее от края пирса. Гвинет испуганно посмотрела на затянутую в черную перчатку руку.

– Может, вы по крайней мере расскажете мне, что привело вас сюда в такой час? Я не люблю сюрпризов. Как и шпионов.

Это прозвучало как угроза.

Гвинет выпрямила спину, отстраняясь от протянутой руки.

– Я... я не могла заснуть.

– Отчего же?

«Потому что существует дьявольский маркиз по имени Морнингхолл, который заставил мою кровь кипеть, вот почему».

– Мне кажется, это не ваше дело, сэр.

Мужчина улыбнулся:

– Разумеется, не мое. Боюсь, что я также не засну... после того как увидел такую красавицу, как вы. – Он улыбнулся плутовской улыбкой и сделал шаг вперед. Рука его по-прежнему тянулась к ней, Гвинет не сдвинулась с места, хотя сердце ее отчаянно колотилось. Матти еще плотнее прижался к ее ногам.

Черный Волк потянулся к ней.

Гвинет попыталась отступить – и ее нога почувствовала сзади пустоту.

– Не надо! – воскликнул Черный Волк и в мгновение ока схватил ее за запястье.

Сквозь материю перчатки Гвинет ощутила тепло его руки и мужскую силу. Неотрывно глядя ей в глаза, он потянул руку Гвинет к себе и приподнял до уровня своих губ. Наклонив голову, он самым галантным образом поцеловал тыльную сторону ее ладони.

Сердце Гвинет забилось еще отчаяннее, однако она не испытывала страха.

Мужчина выпрямился и отпустил ее руку. Она чувствовала тепло его пальцев. Продолжая смотреть ей в глаза, он придвинулся ближе... еще ближе... настолько близко, что ее грудь прижалась к его груди, и ей пришлось отвести голову назад, чтобы видеть его лицо в маске. Он улыбнулся – она увидела белую полоску зубов в темноте.

– Я не думаю, что...

Он не дал ей сказать – его губы прижались к ее губам. Она попыталась сопротивляться поначалу, но затем всецело отдалась поцелую. Голова у нее закружилась, кровь застучала в висках и ушах, а его рука скользила по ее спине вниз, к округлым ягодицам, крепко прижимая ее к своим чреслам. Гвинет

почувствовала жар в груди, внизу живота и ухватилась за складки его плаща, испугавшись, что может потерять сознание, и моля Бога о том, чтобы этого не случилось. Черный Волк не прерывал поцелуя, его язык погрузился во влажность ее рта и встретился с ее языком. Затем он поднес руку к ее подбородку, тронул шелковистую кожу ее лица и лишь затем медленно отстранился.

– Ах, леди! Если бы за каждый побег я был вознагражден так, как сейчас! *Adieu, ma chérie!* [1 - До свидания, моя дорогая! (фр.)]

Повернувшись, он зашагал прочь и скоро растворился в темноте, оставив ошеломленную и дрожащую Гвинет на пирсе вместе с трясущимся у ее ног Матти.

На следующее утро газеты вышли с броскими заголовками, сообщающими последние новости:

**«НА ПЛАВУЧУЮ ТЮРЬМУ „СУРРЕЙ“ СОВЕРШИЛ НАЛЕТ МСТИТЕЛЬ В МАСКЕ!
ЧЕРНЫЙ ВОЛК УНЕС ЕЩЕ ТРЕХ АМЕРИКАНСКИХ ОВЕЦ! ПОЗОР КОРОЛЕВСКОМУ
ФЛОТУ!»**

И так далее, и тому подобное...

Тем временем Деймон сидел, уставясь в раскрытый на соответствующей странице справочник Петерсона. Причиной дьявольской головной боли, согласно автору, могло быть все – от опухоли в головном мозгу до нервных перегрузок в обыденной жизни.

Скорее всего причиной было последнее.

Взбешенный адмирал Болтон уже побывал на судне и уехал. Почти пятьсот заключенных приветствовали его такими криками, что корабль едва не раскололся надвое. Редли охрип, призывая к порядку. Громко стучали молотки плотников, заделывавших обнаруженную дыру, этот грохот пытались перекрыть чьи-то голоса. Деймону доложили, что нашли еще одну дыру, диаметром с

мужской кулак, над самой поверхностью воды. Редли отправился, чтобы найти виновника, а Деймон, сидя на вращающемся стуле, прижимал пальцы к вискам, пытаясь успокоить головную боль. Редли вернулся, ведя за собой в каюту вызывающего вида американца по имени Натан Эштон.

– Десять дней карцера, никак не меньше, капитан! – загремел Редли с порога, однако Эштон стал протестовать, после чего Редли потребовал четырнадцать дней. Деймон продолжал отстраненно покачиваться на стуле, и Редли наконец вытолкнул виновника из каюты, однако тот продолжал грозить, что и впредь не откажется от попыток побега.

Стало ясно, каким образом беглецы сумели проскочить во время ночной вахты мимо семерых часовых, которые непрерывно расхаживали по корме. У пятерых часовых обнаружили на голове огромные, величиной с куриное яйцо, шишки, а еще двое, судя по всему, были подкуплены заключенными.

Дикие крики и вопли не умолкали. Деймон молил Бога лишь об одном: чтобы ночные события, а также наказание Натана Эштона не привели к мятежу. Редли рассказывал ему о том, как заключенные обошлись с его предшественником. Массируя виски, он выглянул в кормовое окно. От берега отчалила шлюпка, в ней находилась леди Гвинет Эванс-Симмз.

Боль в висках стала вовсе невыносимой. А шум на судне все усиливался, и Деймон понял, что леди Симмз уже на борту. Он налил в стакан бренди и повернулся на стуле лицом к двери, вытянув ноги. В дверь постучали.

– Войдите, – сказал он, небрежно покачивая стаканом бренди.

Фойл впустил в каюту женщину и мгновенно вышел. А Деймон тут же забыл о головной боли.

Ее волосы были зачесаны наверх и закреплены перламутровыми гребнями. Поверх столь эффектной прически возвышалась шляпа на манер папахи из розового бархата, украшенная жемчугом и цветными перьями, что придавало гостье весьма решительный и воинственный вид. Лебединую шею ее обрамляло жемчужное ожерелье, лиф из голубого бархата подчеркивал обольстительную полноту груди. Бледно-лиловые юбки, прошитые серебряной ниткой, гармонично завершали ее царственный наряд. В руках она держала зонтик, и если судить по

тому, как она смотрела на Деймона, от нее вполне можно было ожидать удара этим зонтиком по голове. И все же он знал, что, несмотря на внешнюю надменность и холодность, эта штучка была страстной особой. Об этом свидетельствовал румянец на ее щеках – реакция на его откровенное разглядывание, а также внезапное смущение, а затем и гнев, отразившийся в потемневших фиалковых глазах. После изрядно затянувшегося обмена взглядами Деймон наконец насмешливо улыбнулся и в приветствии поднял свой стакан.

– Ага, вот какой темперамент вы демонстрируете при наличии дела, леди Симмс. Интересно, проявляете ли вы такой же темперамент и в спальне?

Гвинет раскрыла ридикюль, извлекла миниатюрный пистолет и направила дуло на его грудь. Деймон поднял бровь.

– Я не намерена больше выслушивать вашу чушь, Морнингхолл. Совершенно непростительно то, что вы совершили на днях.

– Меня не подводит моя память, – пробормотал Морнингхолл, сверкнув глазами, хотя отлично помнил, что именно он совершил, а при взгляде на ее розовые губы и соблазнительную грудь у него вновь появилось искушение испытать то головокружительное ощущение.

– Меня, кстати, тоже. Вставайте.

Он глотнул бренди, демонстративно игнорируя наставленный на него пистолет.

– Должен сказать, что для меня это сюрприз. Я знал, что вы опасны. Но вы, оказывается, еще и вооружены.

– Я хочу осмотреть судно. Сейчас.

– В самом деле? – Морнингхолл взмахнул стаканом, не выплеснув при этом ни капли. – А я хочу командовать фрегатом и еще хочу, чтобы у меня прекратилась головная боль. Сейчас. Немедленно. Но я знаю, что не каждое мое желание мгновенно исполняется, и поэтому даже не собираюсь их высказывать. Не стоит этого делать и вам, дорогая ведьма.

Он встал и нарочито медленно двинулся к ней, а подойдя, неожиданно схватил ее за руку и вывернул запястье, направив дуло пистолета в сторону. В глазах Гвинет промелькнул скорее страх, чем гнев. Продолжая удерживать ее запястье, он наклонился к ней, приблизив свои глаза к ее глазам.

– Не надо угрожать мне, леди Симмс. Уверю вас, вы можете пожалеть об этом.

Затем, чтобы окончательно унижить гостью, отпустил ее руку.

Некоторое время Гвинет оставалась неподвижной, ее щеки полыхали от гнева. Затем она стала массировать запястье, исподлобья глядя на Морнингхолла. Он видел, как билась жилка у нее на шее, видел, сколько ненависти и ярости в ее взгляде.

Гвинет сунула пистолет в ридикюль, прошла мимо Морнингхолла, обдав его запахом персиков, и села на стул, который он только что освободил, упершись зонтом в пол и бесстрашно встретив взгляд Морнингхолла.

– Вы поражаете меня своим самомнением и высокомерием, милорд. Неужели вы и в самом деле считаете, что производите неотразимое впечатление на меня? Что вы напугали меня?

Продолжая держать в руке стакан, он небрежно оперся о спинку кровати.

– Я не пугаю вас, но я вижу – вы хотите меня.

– Подобно тому, как я хочу дьявола, чью компанию, должна признать, я бы предпочла вашей. Но я пришла сюда вовсе не для того, чтобы сравнивать ваши разрушительные чары с чарами сатаны и даже не с чарами Черного Волка. Тут и сравнения быть не может.

– Я не думаю, что у вас есть основание и право высказывать подобные суждения.

– Почему же нет? Прошлой ночью мне довелось встретиться с этим героем вон на том пирсе, – возразила Гвинет, показывая в окно. – Он поистине неотразим. Просто великолепен! Я могу понять, почему едва ли не каждая женщина в Портсмуте готова увлечься им. Должна признаться, он потряс меня!

Она поняла, что достигла цели – его мужская гордость была уязвлена. Он плотно сжал губы, его глаза сверкнули каким-то странным блеском. В них зажглись веселые искорки – но лишь на мгновение, и взгляд его вновь стал холодным и бесстрастным. Он смотрел на нее так долго, что Гвинет первая передернула плечами, а сердце вдруг заухало в груди. А он перевел взгляд ниже – на ее губы, шею... наконец, на грудь.

Гвинет почувствовала, что начинает воспламеняться. Как жаль, что она убрала пистолет, но не доставать же его теперь.

Морнингхолл стоял все так же, опершись о спинку кровати и пронзительно глядя на нее. Не шевелясь и не говоря ни слова.

Она смело встретила его взгляд, демонстрируя всем своим видом, что ему ее не запугать.

Наконец Морнингхолл, выпрямившись, направился к своей гостье. У Гвинет оборвалось сердце. Он подошел к самому стулу, где она сидела, и с недоброй улыбкой уставился на ее губы. Затем с какой-то вкрадчивой зловещей грацией обошел стул вокруг – видимо, имея в виду одну лишь цель – вывести ее из равновесия. Гвинет не пошевелилась. Он стоял у нее за спиной, его пальцы касались спинки стула, находясь где-то совсем рядом с ее затылком. Она замерла. Маркиз двинулся дальше, не спуская с нее взгляда, явно дразня и провоцируя ее, наконец он остановился, опершись обеими руками на подлокотники и сделав ее как бы своей пленницей – его дьявольские глаза оказались совсем рядом.

– Вы хотите, значит, осмотреть судно?

Гвинет бесстрашно глянула в демонические глубины его глаз.

– Да. Не понимаю, почему об этом нужно так долго говорить.

Он еще ниже склонился над ней.

– Я не касаюсь того, что происходит на судне, за этими дверьми. Это работа Фойла. Возможно, он вам поможет.

– Возможно, и поможет. Но я бы хотела, чтобы сопровождали меня вы.

Он слегка выпрямился, и солнечный луч коснулся его пышных волос. На его губах заиграла та же пугающая улыбка. Гвинет ощущала исходящий от него жар, видела его гнев, и ее ноги готовы были сами пуститься в бегство. Но она вжала их в пол и крепко вцепилась в ручку зонтика.

Он заметил ее страх, и улыбка его стала откровенно злорадной.

– А это почему? – вкрадчиво спросил он, снова наклонясь над ней.

– Вы сами сказали, что вас не касается то, что происходит на судне. Наверное, пришла пора вам наконец лицезреть те ужасные условия, в которых вынуждены жить заключенные.

Дьявольские глаза Морнингхолла сверкнули.

– Мне наплевать на те условия, в которых они вынуждены жить. Они сами стелили себе постель, пусть сами и спят в ней.

– Вы презираете людей лишь за то, что они сражались на другой стороне и, к несчастью для них, попали в «нежные руки» королевского флота? – зло бросила Гвинет.

Он наклонился к ней так близко, что она ощутила на своем лице тепло его дыхания, всего его могучего тела.

– Я не напрашивался на то, чтобы меня назначили командиром плавучей тюрьмы. Мне не нравится быть командиром плавучей тюрьмы. И мне не нравитесь вы, леди Симмз. Честно говоря, в настоящий момент у меня нет иного более острого желания, чем швырнуть вас на кровать и поступить с вами так, как вы того заслужили. И если вы будете и дальше дразнить и раздражать меня, вы разбудите во мне зверя.

Гвинет прижалась затылком к спинке стула.

– Вы всегда прибегаете к запугиванию и пустым угрозам, чтобы добиться того, чего хотите, Морнингхолл?

– Уверяю вас, моя дорогая, что они вовсе не пустые. И я буду счастлив подтвердить это.

Глаза его недобро сверкнули, и он победно выпрямился, чувствуя себя хозяином положения.

– А я буду счастлива пристрелить вас, если вы попытаетесь это сделать, – не очень убедительно проговорила Гвинет. Морнингхолл бросил на нее презрительный взгляд, и она поблагодарила Бога за то, что маркиз не слышит, как гулко колотится ее сердце. Дрожащей рукой она открыла ридикюль, извлекла из него пистолет и сделала вид, что рассматривает его отделку. Лишь спустя несколько секунд она изобразила сладкую улыбку на лице и сказала: – Пожалуйста, начнем осмотр.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

До свидания, моя дорогая! (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/harmon_danella/suschiy-d-yavol

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)